

САМЮЭЛЬ
БЬОРК

МАЛЬЧИК
В СВЕТЕ
ФАР

НИЧУТЬ НЕ ХУЖЕ Ю ЕСБЁ.

SUNDAY EXPRESS

18+

Самюэль Бьорк
Мальчик в свете фар
Серия «Триллер по-скандинавски»
Серия «Холгер Мунк и
Миа Крюгер», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41977412
Мальчик в свете фар: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111283-7*

Аннотация

В озере высоко в горах находят труп девушки в балетном костюме. Рядом полицейские обнаруживают страницу из книги «Братья Львиное Сердце» и фотокамеру, в объективе которой процарапана цифра «4». Вскоре выясняется, что балерину убили уколом антифриза в сердце. За дело берется команда Холгера Мунка. Даже Миа Крюгер откладывает столь необходимый ей отпуск, чтобы помочь Холгеру раскрыть это страшное преступление.

Вскоре обнаруживается еще один труп: молодой джазист лежит на кровати дешевого хостела, играет музыка, а на стене надпись – цитата из мультфильма «Бемби»: «Смотри, что я умею». В объективе стоящей рядом камеры можно разглядеть цифру «7».

Полицейские ломают голову: между жертвами нет никакой связи, попытки установить личность убийцы также никуда не ведут. Меж тем в Осло появляются все новые и новые трупы. И никто из растерянных следователей не догадывается, как близко притаился убийца...

Содержание

I	8
1	8
2	14
3	20
4	25
5	32
6	41
7	47
8	55
9	60
10	67
11	75
12	81
13	88
14	96
15	103
16	109
2	116
17	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Самюэль Бьорк

Мальчик в свете фар

Samuel Bjørk

GUTTEN SOM ELSKET RÅDYR

© Samuel Bjørk, 2013

© Назарова М. В., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

В первый день Рождества 1999 года пожилой мужчина ехал по горной дороге из Осло в Хемседал. Семидесятилетний пенсионер и вдовец, он встречал Рождество у своей дочери. Обычно ему доставляло удовольствие ехать этой дорогой по двум причинам. Во-первых, он не любил город – всегда было так приятно уехать подальше от людей с их постоянной суетой. А во-вторых, в пути его окружала необычайно красивая природа. Леса, равнины, вершины гор, озера, одинаково прекрасные в любое время года. Норвегия в своей лучшей ипостаси. Истинная красота повсюду, без конца и края. В тот год зима пришла рано, землю устилал сказочный снег, и казалось, что едешь сквозь безмолвную тишину красочной почтовой открытки. Обычно было так. У пенси-

опера были проблемы со зрением, и он всегда старался выехать пораньше, чтобы насладиться дорогой домой в свете дня. Однако на этот раз он задержался.

Темнота... Он не любил ее. Одно дело – сидеть дома у камина, тогда почему бы и нет, он не имел ничего против того, что земля так повернулась, что вокруг наступила ночь, нет-нет, это даже очень уютно. Налить себе стаканчик чего-нибудь. Завернуться в плед на диване, пока за окном просыпаются ночные животные, а холод начинает по-настоящему брать свое, так что трещит в бревенчатых стенах. Но в машине?! Так далеко от дома?! Нет, такое ему не нравилось. Пенсионер сбавил скорость и придвинулся еще ближе к лобовому стеклу. Он купил новые мощные фары на машину – яркие огни, для таких случаев, как этот. Он включил их, как только на небо набежали облака, закрыв последний крошечный источник слабого света, который давала луна. Внезапно в воздухе повисла ледяная беззвучная мгла. Пожилой мужчина сделал глубокий вдох, и у него на секунду промелькнула мысль остановиться и подождать. Конечно, это идиотизм, господи. На улице почти минус двадцать, а он вдали от людей. Надо просто дотерпеть. Приложить все усилия. Он уже как раз собирался включить радио, чтобы найти что-нибудь бодрящее, когда фары внезапно осветили нечто, при виде чего он непроизвольно подскочил.

Черт подери.

Перед ним на дороге кто-то стоит.

Какого?..

Пятьдесят метров.

Двадцать метров.

Десять метров.

Он в отчаянии втопил педаль тормоза, почувствовал, как сердце выпрыгивает из груди, костяшки пальцев на руле побелели, мир почти рухнул перед его глазами, когда машина наконец остановилась.

Пенсионер сидел в машине и хватал ртом воздух.

Какого хрена?

На дороге перед ним стоял маленький мальчик.

Не двигаясь.

С посиневшими губами.

С рогами оленя на голове.

I

Апрель, 2013

1

Кудрявый десятилетний мальчик сидел на банке маленькой лодки и изо всех сил старался не издавать ни звука. Он бросил беглый взгляд на отца, сидевшего на веслах, и почувствовал, как внутри все потеплело. Снова в гостях у папы. Наконец-то. С последнего визита прошло уже достаточно много времени, после того как мама услышала о произошедшем здесь в прошлый раз. В папином доме в лесу, почти на горе, который мама называла хибарой. Мальчик пытался объяснить, что для него неважно, что папа не готовит такие же обеды, как мама, или что он курит в доме, или что в гостиной висит ружье. Оно же для куропаток, а не в людей стрелять, но мама и слышать ничего не хотела. Больше никаких посещений, она даже в полицию позвонила, или не в полицию, но как бы то ни было, кто-то пришел поговорить с ним, и за кухонным столом записывал в блокнот, и с тех пор папу он не видел. До этого момента.

Мальчику очень хотелось рассказать, что с последнего приезда он прочел много книг про рыбалку. В библиотеке.

Что теперь он знает много названий: сиг, голец, мольва, форель, семга; что в таких озерах, как это, не водится щука, потому что щуке нравится прятаться в камышах. А здесь камыша нет, только нечто похожее на болото у кромки воды. Но он ничего не сказал, потому что усвоил: на рыбалке не разговаривают, разве что очень тихим голосом, и только если папа заговорит первым.

– Первая поездка на Сварттъянн в этом году, – прошептал отец и улыбнулся сыну сквозь бороду.

– Здесь всегда так здорово, – прошептал мальчик в ответ и почувствовал, как тепло снова разлилось по телу, когда отец подмигнул ему.

Мальчик много раз пытался объяснить это маме. Насчет папы. Что ему так нравится находиться здесь – птицы за окном, аромат деревьев... Что деньги не играют никакой роли, что папа не виноват, что никто не хочет покупать его рисунки, что можно обедать, не помыв руки, без скатерти на столе. Но она не желала слушать, и ему порой так трудно было подобрать слова, что он перестал пытаться.

В гостях у папы.

Он поднял взгляд к облакам в надежде, что они скоро исчезнут. Звездное небо. Вот когда приходит рыба. Он снова перевел взгляд на отца, на его сильные руки, тихо рассекающие веслами черную, как уголь, воду, и ему захотелось сказать, что он тоже тренировался и скоро сам сможет грести. Но он промолчал. Тренировался он не в спортзале, куда хо-

дила мама, туда с детьми нельзя, но он делал то же самое дома в своей комнате, отжимался и приседал практически каждый день в течение почти полугода, и да, он много раз смотрел на себя в зеркало, но мышцы не особенно увеличивались. Тем не менее, у него был план. Возможно, к следующему лету. Может быть, тогда сработает. Он уже представлял, как это произойдет: он зайдет в ворота с рюкзаком за спиной, может быть, в футболке, похожей на те, что носили мужчины в мамином спортзале, с большими бицепсами на руках, которыми можно грести, чтобы папа мог сидеть на банке, пока сын сам будет управляться с веслами.

– Рыбалка без пива – не рыбалка, – прошептал папа и еще раз подмигнул, наклоняясь и открывая одну из банок, что лежали на дне лодки.

Мальчик кивнул в ответ, хотя и знал, что это – один из тех вопросов, о которых мама говорила с теми людьми: папа слишком много пьет, и это безответственно.

Сварттъенн. Живописное озеро, сокрытое высоко в горах, о котором мало кто знает. Теперь они здесь вдвоем, вместе, поэтому мальчик старался не думать о том, что мама сказала, что больше поездок к папе не будет. Что это, наверное, последний раз.

– Первый заброс? – прошептал отец и сложил весла.

– На мормышку или на блесну? – прошептал мальчик, откинув кудри назад. Он знал, что это важно, хотя сам не вполне понимал, почему.

Отец сделал еще один глоток пива и бросил взгляд на облака, а затем на темную воду.

– А ты как думаешь?

– На блесну? – сказал мальчик немного неуверенно вначале, но почувствовал, как щеки загорелись, когда отец кивнул и улыбнулся ему, открыв коробку с крючками, лежавшую на лавке рядом.

– Слишком темно для мормышки, согласен?

– Согласен, – кивнул мальчик и поднял взгляд к небу, на секунду притворившись, что не заметил, что оно не такое безоблачное и звездное, как должно быть.

– Вот так, – сказал папа, закрепив разноцветную блесну на леску.

В торжественный момент, когда руки сына приняли удочку из рук отца, мальчик знал, что скажет папа, но притворился, будто это что-то новое для него:

– Короткими рывками, чтобы не достать до дна, хорошо?

– Хорошо, – сказал мальчик и перекинул удочку через стойку на лодке.

Держать катушку. Поднять удочку. Назад. Отпустить точно в нужный момент. Мальчишка снова почувствовал, как тепло разливается по телу, поймав взгляд отца, говоривший, что он все сделал правильно, когда блесна пролетела по воздуху и угодила в черную воду с почти неслышным всплеском.

– Не слишком сильно, – прошептал отец, открывая новую

банку пива. – Тяни осторожно.

Мальчик сделал, как сказал отец, и ему так захотелось сказать маме, что она ошибается. Лодка. Озеро. Он очень хотел быть с папой. Что бы ни говорили люди с блокнотами. Может быть, он мог бы даже переехать сюда? Кормить птиц? Помогать с крышей дома? Чинить расшатанные ступени лестницы? Его так заняли мысли о том, как хорошо могло бы быть, что он почти забыл, что держит в руках удочку.

– Клюет!

– Что?

– У тебя клюет!

Мальчик очнулся, удилище изогнулось. Он крутил катушку, но она не сдвигалась с места.

– Большая! – прокричал мальчик, забыв, что вообще-то надо вести себя тихо.

– Черт, – сказал отец и пересел вниз на банку. – С первого заброса, ты точно не зацепил дно?

– Нет... вряд ли... – сказал мальчик, крутя изо всех сил. Было так тяжело, что лодка качнулась и стала приближаться к берегу.

– Она вот-вот будет у тебя в руках, – воскликнул отец и приподнялся, схватившись за планшир. – Ох, твою же мать.

– Что такое?

– Не смотри, Томас, – вдруг прокричал отец, как только то, что висело на крючке, показалось на поверхности.

– Папа?

– Ляг на дно лодки. Не смотри!

Он бы рад был послушаться, но он словно оглох.

– Папа?

– Томас, на дно, не смотри!

Но он все же посмотрел.

Вниз, на девушку, лежащую в воде.

Бело-синее лицо.

Открытые глаза.

Колышущаяся в воде мокрая одежда, слишком легкая для похода в лес.

– Папа?

– Ляг на дно, Томас! Черт побери!

Маленький мальчик не успел ничего больше увидеть, потому что отец резко поднялся с банки.

И силой опустил его на дно лодки.

Неправда, что Каролине Берг боялась летать. Она просто использовала это как отговорку. Правда в том, что она вообще боялась ехать куда-либо. Ей больше всего нравилось дома. Ей нравилась упорядоченность жизни – нет, она была ей просто *необходима*.

– Разве ты не можешь приехать в гости, мама?

– Я бы с удовольствием, Вивиан, но ты же знаешь, моя аэрофобия...

– Но ты же можешь поехать на поезде, мама?

– Шестнадцать часов взаперти в герметичной банке с людьми, которых я не знаю?

– Да, я все понимаю, но я бы так хотела, чтобы ты увидела, как я танцую.

– Я ведь видела, как ты танцуешь, Вивиан. Много раз.

– Нет же, это не Дом Культуры в Буде. Это же Опера в Осло, мама. Опера! Я говорила, что получила место в ансамбле Александра Экмана? Я буду танцевать «Лебединое озеро». «Лебединое озеро»! Как круто!

– Вивиан, это потрясающе. Поздравляю, дорогая.

– Ты там одна совсем замшела, мама. Ну, может быть, ты все же приедешь в Осло? Сходим в ресторан? Ты знаешь «Моэмо»? Мишленовский ресторан, все такое, мы же можем...

Конечно, она хотела посмотреть, как дочь танцует.

Господи, она ничего другого так не хотела.

– Давай так: мы увидимся, когда ты приедешь домой?

– Конечно, мама. Но мне пора бежать, у нас репетиция. У тебя все хорошо?

– Все хорошо, Вивиан, не беспокойся обо мне.

– Хорошо, мам, созвонимся позже.

– Конечно.

Господи, с каких пор все стало так?

Дни просто приходят и исчезают.

Куда подевалась ее жизнь? Та жизнь, о которой она мечтала?

Сорок два года, а ощущала она себя на все девяносто. Каждую субботу сэндвич с креветками в «Сюдвесте», нет, они не говорили ничего вслух, но в глубине души она знала, что они над ней смеются. Подруги. Те же самые, что и давным-давно. Старшая школа Буде. Выпускной, и она куда-то мечтала поехать. В Индию. В Африку. Собрать яблоки в Гватемале. Играть на гитаре на улице в Амстердаме. Другие – нет, они никогда никуда не собирались, хотели выйти замуж, завести детей, получить работу в коммуне, в магазине «Рема», во всяком случае, не уезжать из Буде. А теперь оказалось, что все они объездили весь мир, все, кроме нее.

Весной, два года назад, Вивиан ездила на пробы в Осло. Ее милая, целеустремленная дочь... Она появилась неожиданно-негаданно. Аэропорт в Буде. Оттуда самолеты летают по

всему миру, а солдаты НАТО прибывают сюда на учения. Каролине было двадцать, она была юна и беззаботна. Он был из Англии и оставил ее с большим животом и без адреса.

Его ли вина?

Люка Мура из Лидса, симпатичного пилота с темными кудрями?

Он виноват в том, что ты нигде никогда не была, Каролине?

Нет, в этом ты можешь винить только себя.

Она жила в маленькой квартирке всего в двухстах метрах от аэропорта, но в нем она никогда не была.

Нигде не была.

«Вы обязательно должны поехать в Аликанте, там та-а-а-ак хорошо».

Метте.

Когда-то была ее лучшей подругой, но теперь уже нет. У той муж, дети, красивый дом в Хюнтстаде, отпуск каждое лето, в разных местах, далеко отсюда.

«Господи, Кей Вэст, я же слышала, там хорошо, ты что, с ума сошла?»

Сюнневе.

В школе она едва могла сложить два и два, но после отхватила себе предпринимателя из Харстада, который любил яхты и инвестировал в недвижимость за границей. Они смеялись над ней, да, смеялись. Каждый раз, когда заходили в супермаркет «Куп». Не вслух, но она видела это по их лицам.

– Вам нужен чек? Пакет?

Товары на ленте, и всегда один и тот же писк.

Боже мой, как она ненавидела этот звук.

Черный хлеб.

Пи-и-п.

Молоко.

Пи-и-п.

Четыре бутылки колы по акции.

Пи-и-п.

Ты уродина.

Пи-и-п.

Ты никогда ничего не добьешься.

Пи-и-п.

А потом, в тайне ото всех, да, если бы они только знали, она позвонила по номеру, который нашла в Интернете. Она выпила четыре бокала вина, прежде чем осмелилась. И да, в первые разы она клала трубку, ничего не сказав, ладони покрывались потом, но наконец, с третьей попытки, она решилась.

Психолог.

Господи боже мой, говорить будут еще больше, появится еще один повод смеяться над ней, но она все равно сделала это.

К счастью.

Аэропорт Буде.

Она жила поблизости почти тридцать пять лет, но никогда

не входила в это здание.

Каролине Берг с большим красным чемоданом преодолела последние метры до входа, остановилась и сделала глубокий вдох.

Как там говорил психолог?

Шаг за шагом.

Ладно, ты справишься, Каролине.

Она увидела свое отражение в блестящих раздвижных дверях. Она могла почти коснуться их, но тем не менее ей казалось, что они с другой планеты. Она купила новую одежду. Сходила в парикмахерскую. На самом деле, после того как она все-таки решилась на тот звонок, она делала все, что он говорил. Не сразу, нет, сначала ей все это казалось омерзительным. Словно каждый раз, когда она открывала рот, из него лилось дерьмо. Он задавал ей очень личные вопросы. Спрашивал о вещах, о которых она никогда не думала. «Какие у вас были отношения с отцом? А с матерью?» Бог мой, у нее кружилась голова, ее тошнило, мысли и чувства, о которых раньше и не знала, теперь кипели в ней, она не спала ночами. Но потом, спустя несколько недель, все словно отпустило. Как лавина сошла. Она открылась, и теперь ее было уже не остановить.

Она улыбнулась себе в отражении.

Какая ты красивая, Каролине.

Какая ты молодец, Каролине.

Новое пальто, Каролине? Хорошее.

Он давал ей такие задания.

Вы должны научиться любить себя.

Осло?

Столица.

Она так давно хотела туда поехать.

Увидеть Королевский дворец. Стортинг. Улицу Карла Юхана. Национальный театр. Фрогнерпарк со всеми своими знаменитыми статуями. И конечно, Оперу.

Она сделала последний вдох и заставила себя пройти последние шаги.левой. Правой. Она внутри. В зале вылетов. Голова немного закружилась, но Каролине не остановилась. Все хорошо, Каролине. Еще чуть-чуть. Вон там. Синий экран: SK4111, SAS, Осло, вылет 12:35.

Я еду, Вивин.

Мама едет смотреть, как ты танцуешь!

Стоя у окна своей маленькой квартирке и закуривая четвертую сигарету за день, Холгер Мунк чувствовал себя полным идиотом. В город пришла весна, деревья вокруг стадиона Бишлетт зазеленели, только от этого ему и становилось лучше. Зима была тяжелой. *Нет, зима была прекрасной, вот потому он и чувствовал себя глупо.*

Он был в отпуске по уходу за больной дочерью. С Мириам произошел несчастный случай, и Холгер взял отпуск, чтобы помочь ей вновь встать на ноги. Несчастье заново сплотило семью. Уже больше десяти лет назад он покинул свой бывший дом в Реа, но этой зимой все было так, словно вся драма тех лет испарилась, словно не было никакого развода с Марианне. Поначалу Мириам находилась в больнице, но постепенно она шла на поправку, и ее перевезли в родительский дом. И Холгер последовал за ней. Новый муж бывшей жены Рольф уехал, чтобы освободить место и не мешать полному выздоровлению Мириам, и Мунк не упустил случая занять его место. И они как будто снова стали семьей. *Черт, он же должен был понимать, что ничего не выйдет. Господи, какой же он идиот.*

Семейные обеды за роскошным столом в гостиной – тем самым, что они купили вместе с Марианне много лет назад, когда он только начал работать следователем и у них впер-

вые появилось немного лишних денег. Вечера пятницы у телевизора всей семьей. Он с Марианне на диване, а между ними внучка Марион. Они чуть не потеряли Мириам, и ему следовало бы понять, почему Марианне вела себя так. Все как в старые добрые времена. Словно они снова вместе. И она не винила его, хотя именно по вине Мунка дочь чуть не погибла. Ну, или как будто по его вине. Отдел по расследованию убийств гонялся за убийцей-психопатом, и последней его жертвой оказалась Мириам.

Мунк сделал еще затяжку и покачал головой. Ощутил, что страх еще не покинул его тело. *Что если?.. А не?..* Но все закончилось хорошо. Слава богу. И он снова стал тешить себя иллюзиями. Он и Марианне. Мириам. И малышка Марион. Даже снова надел обручальное кольцо. Идиот, Марианне наверняка увидела. Несколько дней назад она вышла на лестницу, пока он курил.

«Слушай, Холгер, нам надо поговорить...»

Он увидел все по ее глазам.

«Завтра возвращается Рольф...»

Он только кивнул. Собрал свои пожитки и покинул дом, поджав хвост. Опять.

Ну и идиот.

Как глупый подросток.

На что он вообще рассчитывал?

Холгер Мунк затушил недокуренную сигарету в пепельнице у окна и уже собирался закурить новую, когда зазвонил

телефон.

Давно он не видел этого имени на дисплее.

Анетте Голи. Светловолосая девушка, управлявшая отделом по расследованию убийств в его отсутствие. Опытный полицейский адвокат.

– Мунк слушает.

– Привет, Холгер, – раздался дружелюбный голос.

Холгер Мунк руководил особым отделом расследований на Марибуэсгате более десяти лет и за это время собрал вокруг себя лучших. Анетте Голи, несомненно, была одной из таких. Никто не скрывал, что между отделом и руководством в Гренланде были конфликты. Мунк любил делать все по-своему, и многим это не нравилось. Миккельсон, его начальник, тоже был не всем доволен. Мунк был уверен, что если бы процент раскрытия преступлений у них не был столь безупречным, Миккельсон давно переместил бы их обратно в Гренланд, чтобы следить за тем, что происходит. Политика. Контроль. В роли дипломата чаще всего выступала Анетте Голи. В роли клея, скрепляющего систему.

– Все хорошо? Как у тебя дела?

– У Мириам все хорошо, – ответил Мунк и потянулся за новой сигаретой. – Все лучше и лучше, она уже начала разговаривать, еще не совсем внятно, но это придет со временем.

– Рада слышать, – сказала Голи, и ее голос стал серьезнее. – Извини, если отвлекаю, но мне нужно задать тебе вопрос. Миккельсон хочет, чтобы отдел продолжил работу.

Никакого давления, конечно, только если ты готов вернуться.

– Та девушка в озере?

– Да. Ты слышал о ней?

В замкнутом пространстве дома в Реа Мунк тешил себя грезами, пытаясь держать реальность на расстоянии вытянутой руки, но такое, конечно же, невозможно было пропустить. СМИ пестрели заголовками. Молодая девушка в балетном костюме найдена мертвой в горном озере вдалеке от населенных пунктов.

– Немного, – ответил Мунк. – Мы знаем, кто это?

– Вивиан Берг, двадцать два года, работала в Национальном балете.

– Вот как. Значит, она местная?

– Вообще она из Буде, но жила здесь, поэтому Миккельсон хочет, чтобы мы взялись за дело.

– О ее исчезновении заявили? – спросил Мунк, чувствуя, что он уже возвращается.

Начальник отдела полиции.

Девушка в балетном костюме?

В озере высоко в горах?

Как уже было сказано, он всячески отталкивал от себя правду, но теперь в этом больше не было смысла. Недавно он в одиночестве вернулся в свою квартирку и положил обручальное кольцо в шкафчик в ванной.

– Нет, по какой-то причине не заявили.

– Тогда откуда мы знаем, что это она?

– Мать приехала из Буде навестить ее, это должен был быть сюрприз, но дома дочери не оказалось.

– Вот дьявол, – сказал Мунк.

– Да уж. Ну, что думаешь? Ты готов? Запускаем аппарат? Поставим отдел на ноги?

– Кто сейчас занимается этим делом?

– Крипос¹. Но только предварительно. Оно наше, если ты готов.

– Ты в офисе?

– Да.

– Буду там через двадцать минут, – сказал Мунк и положил трубку.

¹ Управление уголовной полиции Норвегии.

Тридцатичетырехлетняя Миа Крюгер как раз собиралась замотать скотчем последнюю коробку, когда на открытом ноутбуке, стоявшем на столе, запищал «Скайп». Она улыбнулась, увидев, кто звонит.

Endless summer.²

Шесть месяцев на яхте в Карибском море.

Миа подняла кофейную чашку с пола и села на диван, поджав под себя ноги.

– Привет, Миа, как дела? Получилось заказать билет?

Это был Виктор Вик – бывший коллега, покинувший ледяную Норвегию и их отдел много лет назад, последовав за мечтой.

– Заказала вчера, – кивнула Миа. – Лечу через Нью-Йорк.

– Отлично, – улыбнулось загорелое лицо с экрана. – Когда приземлишься?

– В следующий вторник. Вы где, на Сент-Томасе?

За спиной Виктора появился темнокожий официант и поставил на стол напиток с зонтиком.

– Нет, мы в гавани Рoad Туан на Тортале. Там так утомительно.

– На Сент-Томасе?

– Да, там круизная гавань. Плюс там приземляются все

² Вечное лето (англ.)

американские туристы.

– Хочешь, я приеду к вам? Или как лучше?

– Нет-нет, – сказал Виктор Вик и достал пару долларовых купюр из кармана цветастой рубашки.

Официант кивнул и исчез. За спиной Виктора виднелась пальма. Вентилятор на потолке. Смеющаяся парочка, крепко обнявшись, прошла мимо, держа в руках напитки, – она в белом бикини, он с голым торсом.

Карибия.

Миа все еще не могла поверить, что это правда.

– Мы тебя заберем. Никаких проблем. Черт, тут сегодня жара, а там у вас как? Еще зима?

Он подмигнул и вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Нет, теперь все больше начинает быть похоже на весну, – сказала Миа, бросив взгляд в окно.

Слабое солнце роняло мягкие лучи на почти пустой пол в гостиной. Апрель. Весна в Осло. Тринадцать градусов. Глубокая тьма, лежавшая над столицей всю зиму, наконец-то ушла, но это, конечно, ничто по сравнению с тем, что ее ждет.

Виргинские острова.

– Здесь круглый год лето, – улыбнулся Виктор Вик и отпил глоток своего коктейля. – Я очень рад, что у нас все получилось, Миа. Будет здорово снова увидеть тебя. Ты мне позволишь, когда сядешь в самолет? Чтобы я знал, что ты в пути.

– Само собой, – кивнула Миа. – Думаю, я буду на Сент-

Томасе около часа дня во вторник.

– Да, должно быть, так и есть, утренний рейс из Нью-Йорка. Я тебе напишу, если нам придется пристать где-то в другом месте, хорошо?

– Договорились.

– Вечное лето ждет, – улыбнулся Виктор и поднял бокал, перед тем как нажать кнопку и исчезнуть.

Миа Крюгер закрыла скайп и почувствовала, как по телу разливается тепло.

Шесть месяцев на яхте.

Почему она не додумалась до этого раньше?

...Папа на кухне, дома, в Осгордстранде, склоняется над лодочными журналами, которые он выписывал.

«О, Миа, посмотри, Endeavour J-класса. Ты когда-нибудь видела такую красивую?»

Восемь лет. В тот момент она могла быть с ним наедине. Ее близняшка Сигрид куда-то уехала. Балет, хор, верховая езда... Они были очень разными. Сигрид всегда была активной, Миа – более спокойной. Она любила выделяться. Две рожденные одновременно девочки, навсегда связанные друг с другом, и тем не менее настолько разные.

«Давай ты будешь Белоснежкой, а я Спящей красавицей?»

«Почему я всегда должна быть Белоснежкой, Сигрид?»

«Потому что у тебя темные волосы, а у меня светлые, разве ты это не поняла?»

«Нет. Я глупая».

«Глупая? Никогда не говори так. Ты самая умная из всех, кого я знаю, Миа».

Миа Крюгер закрыла ноутбук и снова поставила чашку на пол.

Не думать об этом больше.

Теперь все прошло.

Она обернула скотчем крышку коробки и взяла фломастер. На некоторое время задумалась, что написать, но в конце концов выбрала простое: «Фотографии».

Миа подняла коробку с пола, отнесла ее в маленькую спальню и поставила к остальным. Воспоминания. Она наконец нашла в себе силы снова пережить их, покончить со всем, что причиняло такую боль. Последняя коробка оказалась труднее всех. Особенно тяжело было листать один из фотоальбомов. «Альбом Миа». Его сделала для нее мама. Маленькая Миа в коляске на обложке, единственный раз в жизни одна на фото, а в самом альбоме выстроились их с сестрой фотографии: «День рождения Миа и Сигрид, 2 года. Сигрид и Миа на танцах. Папа купил новую машину!» Все их детство в Осгордстранде задокументировано так, как это мог сделать только альбом из восьмидесятых. Поблекшие цветные фотографии вызывали моментальное желание побежать в ванну, открутить крышку от баночки с таблетками и закинуться, но, конечно, она этого не сделала.

Теперь там пусто.

Больше никаких таблеток.

Во всех шкафах пусто.

Больше никаких бутылок.

Четыре месяца назад зима была не только за окнами, но и внутри. Алкоголь и таблетки. Постоянное отключение от мира, к которому она не могла приспособиться.

Десять лет назад в грязном подвале в Тейене обнаружили тело ее сестры, умершей от передозировки героина. Сокрушенные горем родители вскоре ушли той же дорогой, они умерли, их не стало.

Год назад Миа продала свою квартиру в Осло, купила дом на берегу Тренделага и решила последовать за ними.

Покончить с собой.

Пойдем, Миа, пойдем.

Сигрид бежала в белом платье по золотистому полю и звала Миа, словно в гипнотическом сне.

Господи, какой она была дурой.

Ей все еще стыдно.

Миа бросила последний взгляд на коробки, закрыла за собой дверь и вернулась в гостиную.

Новая жизнь.

Шесть месяцев на яхте.

Она снова себе улыбнулась, поставила пустую чашку на кухонную столешницу и уже собиралась пойти в ванну принять душ, когда в дверь позвонили. В глазок она увидела знакомое лицо: за дверью стоял сосед Александр, молодой па-

рень чуть за двадцать, со светловолосой девушкой, вероятно, сестрой.

«Вы не хотели бы сдать квартиру? Пока вас не будет? Сестре сейчас немного сложно...»

Миа Крюгер планировала продать квартиру, покончить с этим городом, но она всегда проявляла слабость, когда нужно было кому-то помочь. В этом они тоже были довольно разными, Сигрид и Миа. Сигрид во всем была намного тверже, а Миа всегда пасовала перед окружением, иногда она чувствовала себя почти прозрачной.

Полиция. Конечно, она должна была выбрать что-то другое. Иногда зло практически сламывало ее. Вообще-то, она собиралась изучать литературу. С самого детства она погружалась в выдуманный мир, уходя таким образом от реальности. Она сделала маленькую попытку, зачислилась в Блиндерн³, сходила на несколько лекций, но бросила, не дожидаясь экзамена. Это казалось таким ненужным. Читать книги, пока Сигрид живет на улице, делая себе уколы в подворотнях? Нет, Миа необходимо было делать что-то более настоящее. Так она подала заявление в Высшую школу полиции, практически случайно, и каким-то непостижимым образом у нее все сложилось отлично. Словно она была создана для этого. Мунк взял ее к себе в отдел еще до того, как она закончила учиться. Она любила эту работу с первого же дня. Взаимодействие в команде с настоящими профи. Чув-

³ Кампус Университета Осло.

ствуешь, что приносишь пользу. Становишься щитом на пути ужасов жизни. Но для Мии это было палкой о двух концах. Она должна была быть сильной, в то время как внутри оставалась хрупкой.

«Вот что делает тебя особенной, Миа. Вот почему ты – лучшее, что у меня есть».

Последние десять лет Холгер Мунк был ей как отец, и она была бесконечно ему благодарна, но теперь время пришло.

С чистого листа.

Шесть месяцев свободы.

Ощувив прилив радости от предстоящего отпуска, Миа открыла дверь ипустила молодых людей.

Миа заказала кофе и бутылку минералки и нашла тихий столик в углу кафе «Юстисен». Несколько месяцев назад она бы сразу начала с пива и «Егермейстера». Теперь казалось, словно это было в другой жизни. Ее затошнило от самой мысли об этом. Мунк опаздывал, и Миа в ожидании его терпела браслет на запястье. В какое-то мгновение она даже хотела упаковать его вместе с остальными вещами, но потом решила оставить. Они с сестрой получили по браслету на конфирмацию. Посеребренный браслет с сердечком, якорем и буквой. У нее – М, у Сигрид – С. После того как праздник закончился, они вместе рассматривали их в своей комнате, поднеся к свету из окна, и тут Сигрид предложила: «Давай ты возьмешь мой, а я твой?»

С тех пор Миа его не снимала. Телефон показывал, что сегодня десятое апреля. Через восемь дней будет одиннадцать лет, как Сигрид не стало. Передоз. Поэтому Миа и выбрала именно эту дату для отъезда. Она не в состоянии была навещать могилу. Боялась, что не выдержит. Четыре месяца без наркотиков. Тренировки каждый божий день. Миа еще никогда не чувствовала себя лучше. Она опасалась, что, увидев надгробный камень, снова погрузится во тьму, и просто решила не рисковать.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979. Умерла 18 апреля 2002.

Помним, любим, скорбим.

Нет, она не смогла спрятать браслет. Достаточно того, что она убрала фотографии и все остальное.

С – Сигрид.

М – Миа.

Она отпила глоток воды и бросила взгляд на барную стойку, где пожилой мужчина только что заказал себе запотевшую кружку пива. Нет. Никакого желания не возникло. Мии просто-напросто не хотелось его.

Мунк опоздал на полчаса. Он снял свое бежевое пальто и обнял ее, затем сел и положил на стол папку.

– Ты заказала поесть? – спросил он и бросил взгляд на стойку.

– Нет, я не хочу, – ответила Миа.

Мунк подозвал официанта и заказал сэндвич с креветками и яблочный сок.

– Послушай меня, Миа, – сказал он, наклонившись к ней. – Я поговорил с Миккельсоном, и мы пришли к общему знаменателю. Он идиот. Твое отстранение отменено. Это была ошибка с его стороны. Ты нам нужна на работе. Хорошо?

Миа слегка улыбнулась.

– Холгер, через неделю я уезжаю.

– Точно решила?

– Да.

– Точно-точно?

Миа кивнула.

Мунк вздохнул и почесал бороду.

– Понимаю. Ладно, я бы, конечно, хотел, чтобы ты была с нами, но я желаю тебе всего наилучшего. Не буду тебя больше мучить. Просто должен был спросить.

– Отдел снова в работе?

– Да.

– Это та девушка, которую нашли в озере?

Мунк кивнул. В этот момент подошел официант с его заказом.

– Вивиан Берг. Балерина. Ее труп в полном балетном облачении нашли на рыбалке маленький мальчик и его отец.

– Где это было?

– Озеро называется Сварттъенн. Лежит высоко в горах в Вассфаре. Странный сценарий.

– В каком смысле странный?

Мунк набросился на сэндвич и продолжил с набитым ртом:

– Она пропала из своей квартиры в четверг, а нашли ее в субботу в полном облачении высоко на горе. Что тут *не* странно?

Он положил палец на папку на столе.

– Все здесь.

– Я знаю, что ты пытаешься сделать, Холгер, но я все решила.

– Понимаю.

– Что значит «в полном облачении»?

– Гладко уложенные волосы. Балетное платье с пачкой.

Белые колготки. И пуанты.

– Пуанты? Она была в пуантах?

Мунк кивнул.

– Странно.

– Вот именно.

– Как далеко от дороги находится озеро?

– Ну, наверно, минут сорок пять пешком, и все время довольно крутой подъем.

– Он ее нес?

– Откуда ж я знаю, – ответил Мунк и пожал плечами.

Он посмотрел на Мию поверх сэндвича, и она все поняла по его глазам.

– Что? – спросила она, склонив голову набок.

– В смысле?

– Что ты мне не договариваешь?

Мунк серьезно посмотрел на нее и вытер рот салфеткой.

– Я думаю, она шла сама, – сказал он наконец.

– Что ты имеешь в виду?

– Пуанты все в царапинах и дырах. Подошвы. Очевидно, что она сама шла вверх.

– То есть самоубийство?

– Нет, отнюдь. Ее убили, воткнув иглу прямо в сердце.

– Шприц?

– Да.

– Что было в нем?

– Этиленгликоль.

– То есть?

– Антифриз.

– Твою мать...

– Именно. Опасен для жизни, при этом кто угодно может купить его на любой заправке.

– Так почему ты считаешь, что она не сама прошла наверх и не сама воткнула себе шприц с отравой?

– А ты как думаешь? – произнес Мунк, откинувшись на спинку стула. – Это же страшная боль. Ты бы так смогла сделать?

Мунк тут же осознал свою оплошность.

Ровно год назад.

Стол, усыпанный таблетками всех цветов.

Одна на острове вдали от побережья Тренделага.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Извини меня, – сказал Мунк и наклонился к ней. – Я не имел в виду...

– Все нормально, Холгер, – ответила Миа, подняв руку.

– Кстати, как у тебя дела? – продолжил Мунк с виноватым видом. – Совсем забыл спросить. Прости. Ты знаешь, как это бывает.

– Конечно, Холгер. Я все понимаю. И у меня все хорошо. На самом деле даже очень хорошо.

Она подняла бутылку минералки, демонстративно пома- хала ею и сделала символический глоток.

– Отлично, – кивнул Мунк. – Ты хорошо выглядишь, чер- товски хорошо, если можно так сказать. Давно я не видел тебя такой, как бы лучше выразиться...

– Трезвой? – улыбнулась Миа.

Мунк посмеялся.

– Ну, не совсем, ну да ладно, почему нет? Сколько уже?

– Четыре месяца.

– Ничего себе, поздравляю.

– А как иначе, – вздохнула Миа. – В последний раз я была хреновым полицейским, мне правда очень жаль.

– Ерунда, – фыркнул Мунк и покачал головой. – Кто зна- ет, что могло бы случиться без тебя. Господи, я даже боюсь об этом подумать. Ты раскрыла дело. Мне насрать, чем имен- но тебе нужно было закинуться, чтобы ты смогла сделать это. Но, как бы там ни было, здорово видеть тебя такой... бодрой.

Миа улыбнулась, почувствовав, что он говорит искренне.

– Как она?

– Мириам? Все лучше и лучше. Она сильная. Справится. Кстати, она передавала тебе привет. Тебе нужно навестить ее.

– Постараюсь успеть до отъезда.

– Отлично. Она очень обрадуется.

Мунк дружелюбно улыбнулся и засунул руку в карман пальто.

– Пойду покурю, составишь компанию?

Миа кивнула и последовала за ним на улицу, под фонари на заднем дворе. В Осло пришла весна, но тепла не чувствовалось. Миа обхватила себя руками, пока Мунк прикуривал сигарету, и тут его взгляд снова посерьезнел.

– Что если ты выделишь мне семь дней? – сказал он осторожно.

– Я не знаю, Холгер.

– Неделю? Не более. Я всего лишь хочу, чтобы ты посмотрела и высказала свое мнение.

Миа сжала губы и ненадолго задумалась.

Молодая девушка в балетном костюме.

Посреди горного озера.

Шприц с антифризом?

– Мы нашли несколько любопытных предметов на месте происшествия, – Мунк кашлянул и посмотрел на Мию взглядом, который она видела множество раз.

«Тут что-то странное, Миа».

– Что вы нашли?

– Ты уделишь мне неделю?

Его глаза уже почти умоляли.

– Ладно, – вздохнула Миа.

– Чудесно, – улыбнулся Мунк и слегка хлопнул ее по плечу.

– Так что вы нашли?

– Я даже не знаю, с чего начать, – немного замялся

Мунк. – Он установил камеру.

– Что?

– Фотоаппарат на штативе.

– Направленный на труп?

Мунк серьезно кивнул и глубоко затянулся.

– В нем сохранились отснятые кадры?

– Нет, пусто. Там есть разъем для флешки, но он забрал ее с собой.

– Почему *он*? Ты знаешь, что это был мужчина?

– Следы на глине. Сорок третий размер.

– Она лежала недалеко от берега?

– Да.

– И фотоаппарат направлен прямо на нее?

– Да.

– Странно, – пробормотала Миа.

– Знаю.

– Что еще?

– Не уверен, что это относится к делу, но мы нашли страницу из детской книжки неподалеку.

– Какой книжки?

– Астрид Линдгрен, «Братя Львиное сердце». Ну, так ты окажешь мне услугу, или как? Взглянешь? Твое мнение очень ценно для меня.

Мунк затушил окурок.

– Кажется, такое уже со мной было, Холгер. Ты появляешься с фотографиями, на которые я должна посмотреть.

– Ну, только одним глазком?

– Ладно, Холгер, раз ты так просишь, – вздохнула Миа и последовала за ним обратно к столику.

Чувствуя угрызения совести, Мунк взял сигарету в рот и бросил взгляд в окно. Отпуск. Отвлечься от всего, что было и что есть. Боже, никому он не желал передышки так сильно, как Миа, но ничего не поделаешь, она нужна ему сейчас.

Дело для Миш. Он сразу подумал об этом, как только увидел фотографии с места происшествия. Холгер Мунк работал следователем по делам об убийствах вот уже почти тридцать лет, и таких дел, как это, на его счету было немного. *Хладнокровное. Расчетливое. Спланированное. Словно преступник наслаждался каждой секундой.* Смерть, убийство – для обычного человека это кажется страшным и непостижимым, и так оно и есть, но для специалистов, как правило, раскрытие преступления не представляет загадки. Всегда ярко выражен мотив. Ревность, ненависть, месть, зачастую подогретые алкоголем или наркотиками. Такова человеческая природа. Несложное обоснование. Мунк мог по пальцам одной руки пересчитать дела, в которых он не сразу видел перед собой ход событий и не находил преступника в первом круге подозреваемых. Конечно, поиски занимали немало времени, но все же, как правило, его первая мысль оказывалась верной. *А тут все наоборот.* Мунк слегка покачал головой и затянулся сигаретой, и тут в кармане бежевого пальто завибрировал телефон.

– Это Анетте, у тебя есть время?

– Да, выкладывай.

– Мне наконец удалось связаться с больницей Уллевол, и, кажется, Каролине Берг готова к допросу.

– Хорошо. Вы договорились о времени?

– Просто скажи мне, когда поедешь, и я передам это в охрану больницы.

– Ок, отлично, что насчет директора балета?

– Кристиане Спидсё, – сказала Голи. – Сегодня она на работе в Опере. Кажется, совершенно не в себе, но готова принять нас в любое время.

– Есть что-то по машине?

Некоторое время назад Крипос нашел серый «Мерседес», брошенный на обочине недалеко от чего-то похожего на начало тропинки. На полу под сиденьем эксперты обнаружили ожерелье. Мать Вивиан Берг подтвердила, что украшение принадлежало ее дочери. Все это было очень странно. Он привез ее туда? А потом она шла сама? Зачем кому-то оставлять машину с открытыми дверями? И зачем оставлять ее так высоко в горах?

– В среду поступило заявление о краже «Мерседеса», заявил Томас Лорентцен, адвокат.

– У нас на него что-то есть?

– Ничего не вижу, но я попросила Гренли сделать несколько звонков, я не совсем доверяю новым базам данных.

– Ок, хорошо, – кивнул Мунк, замечая, что за столиком

кафе «Юстисен» дело пошло.

– Как у вас там? – спросила Анетте.

– Она сейчас просматривает фотографии.

– Она в деле?

– Думаю, да.

– Хорошо, – сказала Голи. – Я сказала судмедэкспертам, что ты придешь, начнешь с них, или как?

– Да, займусь этим в течение дня. Там Эрнст-Хьюго?

– Нет, Вик, видимо, ушел на пенсию. Там новый патологоанатом, женщина, Лиллиан Лунд.

– Ладно. Думаю, начнем с Каролине Берг, если она в состоянии говорить с нами.

– Возьмешь с собой Мию?

– Надеюсь.

– Удачи. Позвоню тебе, если всплывет что-то еще, – сказала Голи и положила трубку.

Мунк ногой затушил окурок на сухом асфальте и вернулся в бар. Он слегка кашлянул и аккуратно опустился в кресло напротив Мии.

– Ну, что думаешь?

Он видел этот взгляд много раз. Эти ясные голубые глаза, которые смотрят на него и вместе с тем отсутствуют.

– Я думаю, что мой отпуск окончен, – сказала Миа и провела рукой по своим черным как смоль волосам.

– Думаешь?

– Похоже на то.

– Какие мысли? – спросил Мунк, осторожно положив руку на папку.

– Тут чего-то не хватает.

– Чего же?

– Мы не знаем, что было видно в объектив фотоаппарата? Такую фотографию не сделали?

Она полистала фотографии и посмотрела на Мунка, постепенно возвращаясь в реальность.

– Нет, если там таких нет.

– Я... – начала Миа и снова исчезла.

Мунк не ответил. Пусть исчезает. Команда с Мией Крюгер и без нее? Небо и земля. Он готов предоставить ей столько времени, сколько потребуется.

– Что ты видишь?

– Я не совсем понимаю, почему он выбрал это место, – наконец произнесла она и подняла взгляд на Мунка.

– Как это?

– Сначала он хотел быть с ней наедине. Так ведь?

– В каком смысле сначала?

Она склонила голову набок и посмотрела на него.

И это Мунк тоже видел много раз – этот взгляд, говоривший: «Ты что, не видишь то, что вижу я?»

– Он поставил фотоаппарат. Оставил ее лежать в воде, не попытавшись прикрыть тело.

– И?..

– Он хотел, чтобы мы нашли ее, – сказала Миа, потянувшись

за чем-то на столе и удивилась, что этого там не оказалось.

Напитка.

Раньше, когда Миа вот так же изучала фотографии на глазах у Мунка, рядом с ней на столе всегда стояла бутылка. Сейчас казалось, что ее тело не понимает, что все изменилось.

– Думаешь?

– А ты нет? – спросила Миа и наконец отпила глоток минералки.

– Я не знаю. Объясни мне.

– Они ведь всегда немного сожалеют, разве нет? Прикрывают труп, чтобы спрятать содеянное от самого себя, этому ведь ты меня учил! Ох, черт...

Миа снова исчезла.

– Он хотел побыть с ней наедине.

Мунк промолчал.

– Ты ведь этого хотел, да? – почти неслышно продолжила Миа, снова с отсутствующим взглядом. Слова едва сходили с губ. – Ты и она. Наедине там, высоко в лесу. Ты берешь ее с собой наверх. Как ты отвел ее наверх? Ты ее знал? Вы шли вместе? Она тебе доверяла?

– Что думаешь о книге? – спросил Мунк.

– Какой книге? – ошалело переспросила Миа.

– Странице из книги. Она относится к делу?

– Без сомнений.

Миа открыла папку и повернула к нему фотографию.

– Видишь?

– А что я должен увидеть?

– Вивиан пропала в четверг?

– Да.

– На прошлой неделе шел дождь, а на этой нет. Страница пролежала там недолго. Влага, которую мы видим здесь, – испарения от земли. Он оставил для нас эту страницу.

Миа отклонилась на спинку кресла и снова провела рукой по волосам.

– «Братя Львиное Сердце» – как думаешь, что это значит?

– Слишком рано говорить, – сказала Миа и снова на секунду пропала.

– Так ты в деле?

– Самый короткий отпуск в жизни, – пробормотала Миа и грустно улыбнулась. – Ты что-то говорил про ее мать?

– Прилетела из Буда посмотреть, как дочь танцует. Не нашла ее и заявила о пропаже.

– Где она сейчас?

– Впала в шоковое состояние. Лежит в Уллеволе.

– Но мы же можем ее увидеть?

– Только что позвонили и сказали, что можем, – кивнул Мунк.

– Дай мне две минуты, – сказала Миа и скрылась в направлении туалета.

У полицейского Юна Ларсена, более известного как Карри, так сильно болела голова, что ему было очень тяжело смотреть в лобовое стекло. Он отпил глоток воды из бутылки, стоявшей между ног, и зажмурил глаза, не в силах решить, доволен ли он сегодняшним заданием или нет. Слежка. Не совсем операция. Он взглянул вверх, на квартиру на улице Кюрре Греппа. Лотте. Семнадцатилетняя наркоманка. Всего лишь пешка в наркобизнесе, но по какой-то причине они должны были следить за ней. Может быть, она приведет их к кому-то выше. Он прослушал только часть брифа. Ему и так непросто было удерживать глаза открытыми, а завтрак в желудке. Наверное, ему следовало бы выбрать другой бар, но, как всегда, в итоге он оказался в том же самом. Пиво, виски. Несколько партий за бильярдным столом. Еще пиво. Еще виски. И вот он опять в тяжелом похмелье проснулся в той же постели, рядом с той же юной девушкой.

Луна. Что это вообще за имя такое? Двадцать один год, дреды и пирсинг в носу. Татуировка какого-то персонажа на руке, о котором Карри даже не слышал. Луна. Какой идиот назовет так своего ребенка? Он заметил сейчас, что и сам так о ней думал. Ребенок. Дитя. Ну, нет, конечно, ребенком она не была, но, тем не менее, на четырнадцать лет моложе него. Барменша. *Нет, большие так не пойдет. Он должен что-ни-*

будь с этим сделать.

Он попытался заставить голову заработать, придумать какой-то план, но не успел. Дверь открылась, и его напарник проскользнул на сиденье рядом. Аллан Дал. Противоположность Карри во многих отношениях. Длинный и нескладный, с усами, которые он носил еще с тех пор, как Карри работал в отделе по борьбе с наркотиками. Теперь они вдруг опять вошли в моду, хотя Аллана это никогда особенно не беспокоило.

– Что-то случилось?

– Ничего, – пробормотал Карри.

– Здесь ведь нет других выходов, да?

– Нет, если их не построили с тех пор, как мы последний раз проверяли.

Дал взял кофе из подстаканника, не обратив внимание на очевидный сарказм.

– Мне мокка латте, тебе обычный черный, извини, что так долго, пришлось идти аж до «Каффегютта» на Вогтсгате, чтобы достать что-то стоящее.

Карри попробовал кофе, но, откровенно говоря, не смог отличить его от того, что предлагали в других местах.

– Итак, – сказал Дал и с любопытством взглянул на Карри. – Я вчера встретил твою лучшую подругу. Она собирается в путешествие?

– Кто?

– Ну, эта, супердетектив. Она была на первом этаже, по-

лучала новый паспорт. Нашла себе работу за границей, или как?

Карри отпил кофе, и постепенно до него дошло, о ком говорил коллега.

Миа Крюгер.

Он слегка покачал головой. Супердетектив, тоже мне. Ей давали много странных прозвищ, но такого он еще не слышал. Среди коллег в управлении всегда таилась какая-то зависть. Команда Мунка стояла выше других, и у тех, кого туда не брали, всегда было за что зацепиться языками. Карри покинул отдел по борьбе с наркотиками, задрав нос, а когда вернулся обратно, его встретили злорадными ухмылками.

«Ага?»

«Опять закрыли отдел?»

«Все пошло не так уж и гладко?»

Карри не считал себя самым умным или самым начитанным в мире, но иногда ему казалось, что люди вокруг ведут себя просто как дети. Зависть, висевшая в коридорах, стукачество, постоянная борьба за место в табеле о рангах, словно они в средней школе или в курятнике.

Да-да, ну и наплевать.

Только не напивайся сегодня вечером.

Наконец он решил. Каждый вечер на этой неделе. Один и тот же бар, та же молодая девушка рядом с ним в постели, что она только в нем нашла?

– Или, может, ты с ней больше не общаешься?

Дал, очевидно, не хотел сдаваться.

– Нет же, мы перезваниваемся.

– В тот раз это была самозащита, или правда то, что она просто убила того парня?

Карри притворился, будто ему внезапно стало интересно, что происходит в квартире над ними, но Дал не ослаблял хватку.

– Говорят, она просто чокнулась. Что она не в себе. Это ведь она его убила, да? Не Мунк?

Карри вздохнул.

Несколько лет назад у них было крупное дело. Тогда Карри, как и сейчас, работал в Гренланде. В поисках пропавшей девушки Мунк и Миа напали на след трейлера и отправились за ним в горы к озеру Трюванн. Приехав, они обнаружили не только ее, но и известного дилера и наркомана Маркуса Скуга. Бывшего парня сестры Мии, Сигрид. Миа выстрелила ему в грудь дважды. Ее тут же отстранили, и так как Мунк встал на ее защиту, досталось и ему. Его вытурили из города и закрыли отдел.

– Это была самооборона, – сказал Карри в надежде, что они сменят тему.

– Но стреляла она?

– Да, она. Кажется, Мунк зашел в трейлер позже.

– Тогда как он мог ее защищать?

Дал отхлебнул кофе и моргнул.

– Кстати, это в газетах ее так называли?

Карри вздохнул. Видимо, сегодня им все же придется говорить об этом деле. За него ухватились СМИ, и Миа в мгновение ока стала суперзвездой номер один. Лакомым кусочком для прессы. Новым любимым объектом папарацци. К счастью, интерес к ней довольно быстро прошел, но в управлении все еще витало любопытство.

– Как назвали?

– Миа Лунный Свет.

– Нет, так ее называла бабушка.

Карри отставил стакан с кофе и раздраженно повернулся к коллеге.

– Думаю, причина в том, что она похожа на индианку. Ну, знаешь, длинные черные волосы? Легко загорает летом? Кстати, ее удочерили, ты не знал?

– Что? Нет...

– Ну да, обеих девочек, – кивнул Карри. – Сразу после рождения. Миа и Сигрид. Пара из Осгوردстранда. Исключительно хорошие люди, по слухам. Теперь их уже нет в живых, вся семья похоронена на одном кладбище, только одна Миа осталась. И да, у нее шрам над глазом. Один чокнутый на допросе как с цепи сорвался. Ей повезло, что не ослепла. Еще у нее нет фаланги на пальце. Кажется, ротвейлер вцепился зубами прямо ей в руку, ей пришлось застрелить зверя.

Дал провел рукой по жидким волосам, изобразил ухмылку и кивнул.

– Ах да, и еще у нее татуировка, кажется, бабочки где-то

на бедре.

Карри приподнял край свитера.

– Думаю, здесь.

– Ладно-ладно, забей, – пробормотал Дал. – Я же просто спросил. Черт, нам же здесь целый день сидеть.

– Да, а зачем нам это делать? – сказал Карри. – Очевидно, что девчонка никуда не уйдет. Вероятно, она лежит там, паря в облаках, а мы между тем тратим время, которое могли бы потратить на что-то другое.

– Приказ, – кисло ответил Дал и пожал плечами. – Что с тобой такое сегодня? Ты что, не позавтракал?

Карри покачал головой и сделал глоток воды. Эти парни в наркоотделе... Ничего не изменилось ни на йоту. В последние недели город наводнили героином, и, по слухам, товар был особенно хорош. Отделение по передозировкам работало изо всех сил, и в душе Карри не сомневался, что с системой что-то не так. Здесь, говорят, в лучшей стране мира. Может быть, правильнее легализовать это дерьмо? Систематизировать? Народу нужно накачивать себя, в этом сомнений нет, так почему бы не позволить государству управлять этим процессом? Необязательно героин, есть же вещества полегче – гашиш, марихуана, они позволяют людям немного расслабиться. Так почему бы не убрать элемент наживы и просто легализовать все? Это всем упростило бы жизнь. Вместо этого они следят за семнадцатилетней наркошей, которая с трудом проживает свой день. Какой, черт побери, в этом

смысл?!

Дал молча сидел рядом, видимо, уловив знак.

Говорить дерьмо про Мию Крюгер?

Да ни за что.

Не в его смену.

Завистливые говнюки.

– Так значит, – кашлянул Дал спустя некоторое время, явно в попытке исправиться, – что с той девушкой, которую нашли в озере? Странное дельце, правда ведь? С головы до ног в балетном костюме. Ты что-нибудь об этом слышал?

– Нет.

– Удивительно, что мы ничего не знаем, тебе так не кажется? Ведь уже два дня прошло. Должно было бы уже что-то просочиться.

– Крипос, – вздохнул Карри. – Они никогда не раскрывают карты.

– Ну-у, не знаю. Мне кажется, тут что-то еще.

– Что же?

– Я тебе этого не говорил, но есть у меня подруга в верхах, эксперт, она сказала, что нашли что-то необычное.

– Что?

– Она не сказала, видимо, там всем рты заклеили.

– Вот как? – спросил Карри и отпил глоток кофе.

– Да, они определенно чего-то не хотят нам рассказывать, – зевнул Дал. – Черт возьми, я есть хочу. Тебе хватит пяти минут? Я тут посижу один. Может быть, сгоняешь за

чем-нибудь съедобным?

– Твою мать, ты же только что ходил. Почему ничего не купил?

Дал пожал плечами и кивнул на квартиру, чтобы показать, что он не хочет ничего упустить.

Карри вздохнул. Он действительно не видел необходимости сидеть здесь и следить за этой наркоманкой Лотте целый день. Он уже собирался выйти из машины, когда в его телефоне пискнуло сообщение. Прочитав его, Карри не смог сдержать улыбки.

– Что там? – спросил Дал.

– Сам сходишь за своей едой.

– В смысле?

– Это от Анетте Голи. Отдел восстановили. Удачи с наркошей.

Карри улыбнулся и, дружески похлопав напарника по плечу, вышел из машины и окликнул такси в центр.

Из-за лекарств взгляд Каролины Берг был затуманен, но никакие таблетки в мире не могли скрыть, что что-то внутри нее умерло и никогда уже не оживет. Чуть за сорок, светлые волосы средней длины. Она настояла на том, чтобы встать с кровати и встретить их стоя, хотя было очевидно, что ноги едва ее держали.

– Как уже было сказано, мы очень признательны вам за то, что вы нашли время поговорить с нами, – сказал Мунк после того, как все формальности были улажены, и Каролине Берг вернулась в больничную койку.

У Мии Крюгер было нехорошее предчувствие. Эта блондинка с севера страны казалась совершенно исключенной из реальности, будто отсутствовала в комнате, во всяком случае, не была готова к обстоятельному допросу. Мии еще в дверях захотелось сразу развернуться.

– Я не могу осознать, что ее больше нет, – произнес тоненький писклявый голосок.

– Я понимаю, – сказал Мунк, садясь в кресло у постели. – И мы еще раз приносим извинения, что вынуждены беспокоить вас в таком состоянии, но мы очень хотим попытаться понять, что же случилось.

Встреча с близкими жертвы. Это всегда так сильно подавляло Мию. К счастью, Мунк был полной ее противополож-

ностью. Она много раз наблюдала, как в нем вдруг просыпался плюшевый медведь, и атмосфера становилась как-то спокойнее, в нем появлялось что-то отеческое, что заставляло скорбящих чувствовать себя в надежных руках. Миа часто думала, что будь Мунк чуть более религиозным, из него бы вышел отличный священник.

– Сначала я подумала, что это не она, – пробормотала Каролине Берг, уставившись в окно. – Она была сама на себя непохожа. Она всегда была такой живой. Той, кем была Вивиан, больше не было, и тогда это не могла быть она.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Мунк. – И опять-таки, Каролине, если для вас это чересчур, просто скажите. Мы будем говорить в вашем темпе.

– Эти жемчужные сережки, – продолжила Каролине, словно не слыша Мунка. – Она бы никогда их не надела. Она ненавидела дырки в ушах. Я пыталась уговорить ее, ведь всем девочкам прокалывают уши, но нет, она никак не хотела.

Мунк бросил взгляд на Мию и слегка поднял брови.

– Значит, эти сережки вас удивили?

Каролине Берг кивнула сама себе, не отрывая взгляда от окна.

– Я прошу прощения, но мы вынуждены спросить. Вы знаете, кто мог бы сделать это с Вивиан? Она когда-нибудь рассказывала о каких-нибудь неприятностях? У нее были враги?

Блондинка повернулась к Мунку. Казалось, затуманенные глаза все еще не понимали, что он здесь.

– Я не думаю, что они с Себастианом встречались. Просто друзья, насколько я поняла. Вивиан же хотела только танцевать, мальчишки ее никогда особенно не занимали.

Миа чуть покашляла, пытаясь сообщить Мунку, что, очевидно, Каролине не готова к разговору. Она даже не отвечала на заданные ей вопросы.

– Себастиан? – осторожно спросил Мунк. – А фамилию вы помните?

– Жемчужные сережки? Нет, это на тебя непохоже, Вивиан. Ты что, хотела походить на бабушку? Ты же всегда говорила, что это некрасиво. Что это слишком манерно.

Каролине тихо засмеялась самой себе, и ее глаза закатились. Миа видела только белки. Бедная женщина лежала так мгновение, потом будто бы снова пришла в себя и заметила присутствие полицейских.

– О, извините меня, – пробормотала она и села в постели. Мунк осторожно положил свою руку на ее.

– Все нормально, Каролине. Послушайте, я думаю, нам лучше вернуться позже, когда вы немного отдохнете.

Мунк бросил краткий взгляд на Мию, та утвердительно кивнула, и он встал.

– Вы уже уходите? Нет-нет! Я очень хочу помочь, позвольте мне помочь. Она не может лежать там одна, кто-то должен ей помочь. Вивиан, мама сейчас придет.

Каролине Берг попыталась встать, но ее руки не могли нащупать край одеяла.

– Все нормально, – сказал Мунк успокаивающе и нажал на красную кнопку у койки.

– Мы не имеем к нему никакого отношения! – вдруг выкрикнула Каролине.

– К кому? – спросил Мунк.

– Вивиан, ты должна мне пообещать это. Он нам больше не родня!

Слабое тело Каролине затряслось.

Открылась дверь, вошли две медсестры. Первая положила руку ей на лоб и кивнула Мунку.

– Думаю, вам придется уйти.

– Конечно, – сказал Мунк и поднялся.

– Каролине? Вы с нами?

Дверь снова открылась, на этот раз вошел врач.

Когда они опять оказались на парковке, Миа заметила, что Мунк в бешенстве. Давно она не видела его таким разъяренным.

– Какой кретин это одобрил? Мы не должны были к ней приходить.

– Я-то откуда знаю, – сказала Миа и села в «Ауди». – Какие мысли?

– Об этом Себастиане?

– Я больше думаю о том, что она сказала в конце.

– Позвони в офис, – кивнул Мунк и завел машину. – Га-

бриэлю. Он работал в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, но, думаю, он уже вернулся к нам.

Миа кивнула и достала свой телефон из кожаной куртки.

– Куда мы сейчас?

– К балетмейстеру в Оперу, – сказал Мунк и свернул на Уллеволсвейен.

– Ок, – сказала Миа и набрала номер Габриэля Мерка.

Когда Габриэль Мерк нажал на кнопку лифта, до него дошло, что давно он не ощущал покаяния в теле. Перевод в отдел экономических преступлений. Неплохо, но, конечно, даже близко не стояло с этим.

Марибуэсгате, 13.

Отдел восстановлен.

Он улыбнулся своему отражению в двери лифта и подумал о том, как сильно изменилась его жизнь. За такое короткое время. Перевернулась с ног на голову. Он стал совсем другим. Меньше года назад Холгер Мунк вытащил его из одинокого хакерского существования за компьютерами в подвале и забрал на работу в полицию. Теперь он живет в новой квартире в Торшове, привык вставать по утрам и ходить на работу. И, что не менее важно, у него родилась дочка.

Эмилие.

Он до сих пор еще в шоке. Он папа? Габриэль Мерк не совсем представлял себе свою будущую жизнь, но он точно не думал об этом. Душевный покой. Чувство, что у тебя есть предназначение. Что-то важнее тебя самого. Иногда он просыпался по ночам, только чтобы пойти и посмотреть на нее. На то, как маленькие пальчики медленно сжимаются в мягкие кулачки. Чтобы приложить руку к ее животику и просто ощутить, как она дышит.

«Что ты делаешь?»

«Я просто хотел проверить».

«Господи, Габриэль, она спит, с ней все в порядке».

«Да, но...»

Он улыбнулся самому себе.

Двери лифта открылись.

Прошлой осенью они работали над делом, в котором в роли потерпевшей оказалась дочь Мунка Мириам. Ей едва удалось спастись, вслепую спрыгнув с обрыва и чуть не разбившись насмерть, но она все-таки выжила. Мунк ушел в отпуск по уходу за больной дочерью, а сотрудников отдела разбросало кого куда. Карри перешел в наркоотдел, Ильва – в отдел половых преступлений, он сам – в экономический, а Анетте Голи и Людвиг Гренли тайно вели дела расформированного отдела. Миа – нет, он не знал, куда делась Миа, но он чувствовал, что все время ждет встречи с ней.

Вернулся.

Наконец.

Он вышел из лифта и увидел знакомое лицо.

– Кто это у нас тут, папаша Мерк?

Карри, похожий на бульдога, вышел из комнаты отдыха и хлопнул его по плечу.

– Ее называли Миа?

– Что? – сказал Габриэль.

– Оставь парня в покое, Карри, – сказал Людвиг Гренли. – Привет, Габриэль, рад тебя видеть.

– Я только спросил, – хохотнул Карри. – Мы же поспорили! Разве нет?

– Что ты имеешь в виду?

– Он просто дразнит тебя, – сказал Гренли и исчез в коридоре.

– А?

– Нам просто интересно, назвали ли ее Миа, – ухмыльнулся бульдог.

– Нет, – сказал Габриэль, наконец поняв, о чем речь. – Мы назвали дочь Эмилие.

– Эх, плакали мои денежки, – подмигнул Карри и толкнул его в плечо.

– Ха-ха, – сказал Габриэль и вошел в свой кабинет.

Уже давно ни для кого не было секретом, что Габриэль Мерк очень любил Мию Крюгер. И да, он действительно думал над этим именем, но его девушка, Туве, уперлась. Она при любой возможности намекала на то, что, конечно, отлично, что он теперь работает с такими профессионалами, но разве обязательно говорить *так* много об этой коллеге? Поэтому нет, Мией дочь не назвали.

Эмилие.

Он улыбнулся и с теплом подумал о дочке. Едва он успел сесть за стол и подключить свой компьютер к сети, как у него зазвонил телефон.

– Да?

– Привет, это Миа. Мне нужно, чтобы ты кое-что для нас

проверил, хорошо?

– Конечно, что?

– Ее телефон и компьютер уже прислали?

– Не знаю, но я проверю, а что?

– Кажется, у нее был молодой человек, но у нас есть только имя.

– Какое?

– Себастиан. Попробуешь узнать, кто это?

– Конечно.

Габриэль зажал телефон между плечом и ухом и переместил пальцы на клавиатуру. Открыл страницу Вивиан Берг на «Фейсбуке».

– Тут есть Себастиан Фалк. Во всяком случае, они друзья на «Фейсбуке», посмотрим...

– Что там есть про него? Он тоже танцор?

Габриэль услышал ворчание Мунка на заднем фоне.

– Нет, непохоже, – сказал Габриэль и быстро взглянул на открывшуюся страницу. – Больше похож на такого супер-спортивного парня. Тут указано, что он инструктор по экстрим-походам, что бы это ни значило.

Молодой человек на вершине горы. На скалодроме. Трое мужчин в пабе пьют пиво. Вертолет, под которым кто-то висит. Байдарка в стремительной реке. Габриэля Мерка всегда удивляло, как много своей личной жизни люди выставляют напоказ.

– На фотографиях, эмм, как бы сказать, активности на

свежем воздухе, ссылка на фестиваль экстремального спорта в Воссе, фотографии прыжка с парашютом, скалолазание, все в таком духе, про отношения ничего не указано, но это может и ничего не значить.

– Есть адрес?

Габриэль открыл новую вкладку и набрал «1881».

– Нашел только одного Себастиана Фалка, если это он, то он живет в Тейене, тут есть номер.

– Дай его Людвигу, попроси связаться с ним немедленно, хорошо?

– Конечно.

На секунду в трубке повисла тишина. Габриэль услышал, как Мунк что-то лает на заднем фоне, но не уловил сказанного.

– И мне нужно от тебя кое-что еще. Пока нет никакой определенности, но мы думаем, что, возможно, тут замешан кто-то из семьи.

– Кто, например?

– Этого мы не знаем. Посмотришь, есть ли что-то на кого-то из членов семьи?

– Будет сделано.

– Хорошо. Маякнешь мне, если что-то обнаружишь?

– Конечно. Вы не сюда едете?

– Нет, мы едем в Оперу.

– Ладно, я позвоню, если... – начал Габриэль, но Миа уже положила трубку.

Габриэль снял куртку, достал из рюкзака колу и вошел в систему.

Во время обучения Габриэль был шокирован, узнав, сколько информации об обычных гражданах хранит государство. Чуть больше года назад он использовал Даркнет, чтобы найти окольные пути в такие места, как это, а теперь перед ним полный доступ всего в одно нажатие клавиши. Сначала это казалось даже слишком просто.

Десять разных баз данных, включая реестр ДНК, реестр фотографий и отпечатков пальцев, реестр персональной идентификации и «Индицию» – реестр уголовной разведки, где у полиции был широкий доступ не только к информации о людях, совершивших что-то криминальное, но и о тех, кого только подозревали в этом, включая всех членов семьи, круг общения и коллег.

Big data.

*Big Brother is watching.*⁴

Его бывшие сетевые коллеги-анархисты разбили бы свои микрочипы, узнай они, чем он занимается, но, честно говоря, его это уже особо не волновало. Вначале – да, в некоторых из чатов IRC, где он сидел, ему приходили саркастические сообщения.

«Changed sides, have we?»⁵

Это все еще болезненный укол?

⁴ Большие данные. Большой брат следит за тобой. (англ.)

⁵ Ну что, перешел на другую сторону? (англ.)

Нет, к черту это.

Шестилетние девочки, повешенные на деревьях с табличкой на шее. Десятилетняя девочка на ложе из перьев в кругу свечей. Вивиан Берг, двадцати двух лет, найденная в горном озере, убитая уколом антифриза прямо в сердце.

Пусть они думают, что хотят.

Теперь он полицейский.

Габриэль почувствовал некоторую гордость, сделал глоток колы и вошел в первую базу данных.

Кристиане Спидсё оказалась грациозной темноволосой женщиной лет тридцати пяти, и сомнений в том, что она в свое время была танцовщицей, не оставалось. Она двигалась по своему кабинету, как балерина, наливая кофе в чашки, словно это часть представления, с улыбкой на губах и гордо поднятой вверх головой. Но, сколько бы эта красивая женщина ни пыталась вести себя так, словно это совершенно обычная встреча, Миа ясно видела, как сильно ударило по ней убийство Вивиан.

– Директор балета, – сказала Спидсё и села в кресло напротив.

– Извините, – сказал Мунк. – Я в этом особо не разбираюсь.

– Все в порядке, – улыбнулась Спидсё. – У нас есть генеральный директор, директор оперы, технический директор, финансовый директор, нелегко во всем этом не запутаться. Вам с молоком или с сахаром?

Грациозная дама отклонилась назад и показала на серебряный поднос.

– Мне ничего, спасибо, – ответил Мунк.

– Какая трагедия, – произнесла Спидсё и бросила взгляд на Миа.

– Соболезнуем, должно быть, для вас это шок, – сказал

Мунк, расстегивая пальто.

– Ужасный, – покачала головой Спидсё. – Мы просто не можем в это поверить. Все еще. Вивиан. Она была... нашим лучиком света.

Она слабо улыбнулась и поднесла чашку к губам.

– Это может прозвучать глупо, но она и правда была такой. Вивиан не была похожа на других, не такая самовлюбленная, если вы понимаете, о чем я.

– Не совсем, – кашлянул Мунк, улыбнувшись.

– О, ну, вы знаете, эти танцовщики...

– Все еще не совсем, – дружелюбно ответил Мунк.

– Моя сестра танцевала, – сказала Миа.

– О! Профессионально?

– Нет, просто занималась, когда мы были маленькими.

Выступала на школьных представлениях и все такое.

– Как здорово, – кивнула Спидсё. – Танец – это искусство, которое, к сожалению, недооценивают толпы литературных почитателей, но мы стараемся изо всех сил. Простой народ, что с него взять.

– Вы хорошо ее знали? – спросил Мунк, кашлянув.

– Вивиан? И да и нет, – сказала Спидсё и отставила чашку. – Как директор я несу ответственность примерно за шестьдесят артистов, плюс за балетмейстеров, педагогов, администрацию, но я стараюсь следить за всеми лично, насколько могу.

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросила Миа.

– В среду после обеда. У нас сейчас межсезонье, поэтому у всех выходные в четверг и пятницу. Вивиан заходила ко мне в кабинет, чтобы спросить, можно ли ей и понедельник взять выходным.

– Вот как?

– Видимо, она собиралась уехать.

– Она сказала куда? – с любопытством спросил Мунк.

Спидсё потянулась к серебряному подносу и положила себе в чашку кусочек сахара.

– Думаю, что-то семейное, извините, я была занята другим. У нас в бюджете появилась дыра, так что в последнее время было очень много работы.

– Но вы отпустили ее?

Спидсё кивнула.

– Во время представлений все здесь работают круглые сутки, поэтому я совсем не против, чтобы мои артисты отдыхали побольше, пока могут.

– Но у вас нет никаких идей, куда она собиралась?

– Увы.

Миа перевела взгляд на окно. Вдалеке она увидела яхту.

– Какая трагедия. У вас есть какие-то предположения о...?

– К сожалению, пока никаких, – сказал Мунк.

– У Вивиан были проколоты уши? – спросила Миа.

– В смысле?

Спидсё с удивлением посмотрела на нее.

– Ну, вы знаете? – Миа взяла себя за мочку уха.

– Э-э, нет, честно говоря, не знаю. А что?

Миа увидела еще яснее, что это был просто фасад. Кристиане Спидсё надела серьезную маску, чтобы пережить этот день, но на самом деле она была на волосок от того, чтобы сломаться. Поднос зазвенел под кофейной чашкой, которую она опустила трясущимися руками.

– Извините меня, я...

Она слегка улыбнулась, и по ее щеке побежала слеза. Она смахнула ее рукой и снова выпрямила спину.

– Это вы нас извините, – сказал Мунк. – Мы знаем, как трудно вам должно быть сейчас. И очень ценим, что вы нашли время помочь нам.

– Само собой, – кивнула Спидсё, и по ее щеке покатилась новая слеза.

Миа почувствовала, что ей самой становится нехорошо.

Вся эта скорбь вокруг.

Ее спас завибрировавший в кармане кожаной куртки телефон.

На дисплее имя Людвиг Гренли.

– Я должна ответить, – кивнула она, извиняясь, и вышла в коридор.

– Да?

– Я нашел его, – сказал Гренли. – Себастиан Фалк. Он в Швейцарии, лазает по горам в отпуске. Бедный парень, он даже не сразу понял, что ее не стало.

– Как он отреагировал?

– В полнейшем шоке, – пробормотал Людвиг. – Не смог сказать ни слова. Ему пришлось положить трубку и перезвонить мне.

– Ты спросил, были ли они в отношениях?

– Мне показалось, что они были очень близкими друзьями. Он прилетит первым же самолетом.

– Ты попросил его сообщить, когда прилетит?

– Он очень хочет помочь, так что я попросил его позвонить мне.

– Хорошо, спасибо, Людвиг, – сказала Миа и положила трубку.

Она уже собиралась вернуться в кабинет балетмейстера, когда ее телефон опять зазвонил.

– Привет, – сказал Габриэль Мерк, – у тебя что-то с телефоном?

– Да, он странно себя ведет. Куплю себе новый, когда будет время. Нашел что-нибудь?

– Нашел, – сказал юный хакер, и она услышала в его голосе воодушевление. – Это заняло некоторое время, но в конце концов я все выяснил.

– Что там?

– Я нашел информацию по Каролине Берг в «Индиции». В связи с мужчиной по имени Реймонд Грегер.

– Ее разыскивала полиция? – удивленно спросила Миа.

– Нет, не ее, а его. Но самое странное – что в файле ничего

нет, только имя полицейского адвоката в Буде.

– Файл «Индиции» пуст?

– Да, пусто, только эти имена, но я позвонил полицейскому адвокату. И узнал много интересного. У тебя есть время?

– Да-да, выкладывай.

– Оказалось, что несколько лет назад этого Реймонда Грегера подозревали в очень серьезном преступлении.

– А как он связан с Вивиан?

– Ой, да, сорри, он ее дядя.

– Брат Каролине Берг?

– Сводный.

– И в чем его подозревали?

– Вот тут-то и начинается самое интересное. Несколько лет назад в Буде исчезли две маленькие девочки, в двух не связанных между собой случаях. Они позже объявились и обе рассказали одну и ту же странную историю.

– Какую?

– Их подобрал мужчина и отвез в дом за городом.

– Изнасилование?

– Э-э, нет, не совсем, он играл с ними.

– В каком смысле играл?

– Просто играл. Они играли в куклы, устроили чаепитие, наряжались...

– Эээ?

– Знаю, я сто лет ничего страннее не слышал.

– Тогда почему этого не было в базе данных?

– Сейчас расскажу, – вдохновенно продолжил Габриэль. – Обе девочки указали на Реймонда Грегера, но дело отозвали.

– Потому что?..

– Я не совсем понял, какая-то формальность, может. Анетте лучше объяснит. Как бы то ни было, его оправдали, и он заставил адвоката позаботиться о том, чтобы в реестре ничего не осталось.

– Странно. Она что-то сказала о причинах?

– Видимо, чтобы он мог продолжать.

– Продолжать что?

– Работать. Он учитель.

– Ты шутишь?

– Нет.

– В Буде?

– Нет-нет, он переехал.

– Мы знаем, где он сейчас?

– Да, – с триумфом сказал Габриэль. – Я его отследил. Сейчас он работает в старшей школе Хедрум. Недалеко от Ларвика.

– Дьявол.

– Знаю. Думаешь, тут что-то есть?

– Уверена, – сказала Миа. – Отлично, Габриэль.

– Та адвокат очень хотела, чтобы мы оставались на связи.

– Хорошо, передай это Анетте.

– Отлично.

– Чертовски хорошая работа, Габриэль. Увидимся позже.

Миа убрала телефон в карман и вернулась в кабинет Спидсё.

Адвокат Томас Лорентцен сидел в своем кабинете на Габриэльсгате и нервно смотрел на телефон перед собой. Он ждал предстоящего разговора. Но одного он не мог понять. Они-то позвонят ему, это однозначно. *Черт побери, как это вообще случилось?* Его машина, Мерседес, украдена прямо из-под окон офиса меньше недели назад. И теперь она всплыла в деле об убийстве?

Черт, у него не получалось связать все вместе.

Телефон все еще молчал. Ему казалось, что безжизненный блестящий черный предмет смеется над ним. Мучает его своим молчанием. Больше всего ему хотелось разбить его о стену. *Ну, звони же, черт возьми. Ты знаешь, что скоро зазвонишь, так на кой черт меня мучить?* Лорентцен одарил телефон свирепым взглядом, ослабил узел галстука и поднялся с кресла. По пути к бару он увидел свое отражение в окне. Он выглядит уставшим? Уставшим он себя не чувствовал, или нет, конечно, его это затронуло, но, черт побери, он же не имеет никакого отношения к этому убийству?

Или имеет?

Связано ли это с другим?

Лорентцен открыл бар и налил в один из хрустальных бокалов большую порцию виски. Он и не заметил, как снова оказался за столом красного дерева, практически добежав до

него. Чертов телефон. Еще и уродливый. Не то что его телефон, позолоченный «Айфон», специально заказанный из Англии. Он, конечно, знал, что не нужно им светить повсюду, не нужно показывать, как много у него денег, но просто не мог этого не делать. Может же он себе хоть что-то позволить, так ведь? После всего, что он сделал? Твою мать, да они понятия не имеют, на какой риск он пошел. Он почувствовал нарастающее раздражение.

Мать его, труп? И даже не одного из каких-нибудь наркош, до которых никому дела нет. В новостях трубили об этом. Молодая девушка. Балерина. В горном озере. Он лихорадочно напряг мозг, чтобы понять, есть ли тут связь, но в голове было пусто. Должно быть, это совпадение, иначе он вообще уже ничего не понимает. Сегодня днем ему звонила полиция. Какой-то Гренли.

– Это Томас Лорентцен?

– Да?

– Вы владелец серого «Мерседеса Бенц E220», регистрационный номер DN87178?

– Да.

– Вы говорите, вашу машину угнали?

– Да, в прошлую среду.

– И вы в этом уверены?

Уверен?

Конечно, он был уверен.

Машина была на стоянке. На его персональном парковоч-

ном месте. Вообще-то, он предполагал, что защищен, здесь, во дворе, за воротами, и тем не менее машина исчезла.

– Позвоните нам, если что-нибудь вспомните, ладно?

Лорентцен снял галстук и почувствовал, как потеет в подмышках.

Что-нибудь вспомню?

Что это было?

Они что-то заметили?

Вдруг это все инсценировка, чтобы взять его?

Вдруг это все...

Он оборвал себя, опустился в кресло и даже рассмеялся.

Он, безусловно, важная птица, это правда. Но выдумывать, что мертвую балерину нашли в горном озере, запускать эту громкую дискуссию в СМИ, только чтобы раскрыть его, – нет, хе-хе, конечно, нет.

Соберись, Томас.

Успокойся.

Не забывай, что говорил врач.

Лорентцен достал из ящика коробочку и запил глотком виски две круглые белые таблетки.

Полиция?

Зачем звонила полиция?

У них ведь есть свой человек в полиции.

Разве он не должен ограждать их от таких вещей?

Лорентцен встал, не отрывая взгляда от лежавшего на столе телефона.

Ну, звони же уже, черт возьми.

Он осушил бокал и снова его наполнил, на этот раз попытавшись избежать своего отражения в окне, пока мысли понеслись в том направлении, в котором так часто устремлялись в последнее время. Не только потому что это случилось, но также, наверное, потому что время пришло.

Забирай деньги и уматывай.

Исчезни.

Он вытер пот со лба.

Почему нет?

У него ведь их достаточно.

Уже давно достаточно.

Но есть одно...

Он упал в кресло и ощутил, что утомился.

Они найдут его.

Куда бы он ни уехал, разве не так?

Они везде.

Он продал душу дьяволу.

Добровольно.

Выхода нет, так они сказали?

Лорентцен покачал головой и расстегнул одну пуговицу на рубашке.

Черт, как здесь жарко.

Возьми себя в руки, кретин.

Ладно, нужен план.

Он отставил бокал в сторону и открыл ноутбук. Ввел за-

прашиваемый код и вошел в систему. Сумма, появившаяся на экране, была невероятной. Обычному соотечественнику понадобилось бы около ста лет, чтобы заполучить лишь крупицу из того, что было там.

Женева.

В его голове начал обретать очертания план, он почувствовал, как рот растянулся в улыбке.

Следующая отправка.

Пальцы побежали по клавиатуре, он взглянул на график и карту, появившиеся перед ним.

У него есть контакты, конечно же, есть. Контакты, о которых они не знают.

Провести это последнее, а потом...

Лорентцен широко улыбнулся, осушил бокал и пошел за добавкой.

Какое-то мгновение постоял с бокалом в руке.

Я сбегу.

Исчезну.

Он тихо кивнул в окно.

Все кончено.

Он улыбнулся и поднял бокал в тосте самому себе, когда предмет на столе вдруг зашевелился.

Телефон зазвонил.

Рука разжалась, и Лорентцен даже не услышал, как бокал упал на пол.

Дьявол.

Томас Лорентцен неподвижно стоял несколько секунд, затем наконец поднял телефон со стола.

– Алло?

Дождь барабанил по капоту черной «Ауди». Промокший до нитки Мунк добежал до машины и сел за руль.

– Я передумал. Не поедem.

– Почему нет? – кратко спросила Миа.

– Реймонд Грегер на больничном. И я не могу ему позволить. Он может быть где угодно.

Миа достала из кармана куртки пастилки. Дождь усилился. Лило как из ведра, люди за окном разбегались в поисках укрытия, как испуганные кошки.

– Я отправил патрульную машину. Если они его найдут, то еще можем подумать, но я не готов три часа ехать зря.

– Полиция Ларвика?

Мунк кивнул и достал пачку сигарет из кармана мокрого пальто.

– Что думаешь о Спидсё?

– Она выглядит довольно искренней, нет? – ответила Миа.

Мунк пожал плечами.

– У меня такое ощущение, что она нам что-то недоговаривает, но я не вполне уверен.

Он закурил и приоткрыл окно. Капли воды залетели в машину и смешались с серым дымом, но Миа ничего не сказала.

– Каким образом мужик, похищающий маленьких дево-

чек, опять работает учителем? – раздраженно спросил Мунк и выглянул из окна.

– Если у нас ничего на него нет в реестре, то его ничто не останавливает.

Мунк покачал головой.

– Тогда с системой что-то всерьез не так, – пробормотал Мунк и сделал новую затяжку, когда у Мии зазвонил телефон.

– Это Миа Крюгер? – спросил мужской голос.

– Да.

– Добрый день, это Торфинн Наккен, я звоню из охранной службы Бишлетт. Вы живете на Софиеспласс, 3, верно?

– Да. Что случилось?

– На третьем этаже? – продолжил мрачный голос.

– Еще раз, откуда вы звоните?

– Охранная служба Бишлетт, мы ответственны за дом. Извините, что отвлекаю вас, но наш офис взломали, понимаете ли, и пропало несколько мастер-ключей. Вы не замечали чего-нибудь странного в своей квартире?

Миа отмахнулась от дыма и опустила окно со своей стороны.

– Например?

– Ну, незванные гости. Исчезнувшие вещи, в таком духе?

– Нет, я ничего не замечала.

– Ок, хорошо, – облегченно сказал Наккен. – Эти мастер-системы страшно дорогие, черт возьми, придется по-

менять замки во всем доме. Сотни тысяч крон, страховка, конечно, все покроет, но нет смысла тратить время, если нет никакой проблемы, если никто не понял, от чего ключи, правда?

Он издал смешок.

– Слушайте, я сейчас немного занята, – сказала Миа и взглянула на Мунка, который, судя по всему, получил сообщение.

– Да, конечно, извините, мне нужно было только проверить. Тогда записываю, что по Крюгер Миа все в порядке.

– Отлично.

– Хорошего дня.

– И вам, – сказала Миа и отключилась.

– Анетте, – сказал Мунк.

– Да?

– Нашли имя психиатра.

– Какого психиатра?

– Я разве не говорил? Извини. В ее квартире нашли лекарства. Антидепрессанты, выписанные терапевтом, видимо, по совету этого психиатра.

Мунк показал ей свой телефон.

– Вольфганг Риттер?

– Тебе это имя ни о чем не говорит? – спросил Мунк, явно довольный.

– Нет.

– Серьезно? Вольфганг Риттер? Ты что, не смотришь но-

вости?

Миа покачала головой и достала из кармана куртки новую пастилку. Она давным-давно выбросила телевизор и по возможности старалась избегать газет. Когда она была маленькой, вся ее семья каждый день в обязательном порядке собиралась в гостиной и смотрела новости. Но теперь Миа больше не могла этого делать. Раньше СМИ несли ответственность перед обществом. Информировали. Сейчас же всем правит капитал. Страх и знаменитости бок о бок, в безумной гонке за эфирным временем и кликами в Интернете. Она была даже не в силах смотреть на заголовки газет в магазине, избегала их, насколько было возможно.

«В чем причина конфликта между Израилем и Палестиной?»

«Как зовут писателя, получившего фетву аятоллы Хомейни?»

«Зачем китайские студенты вышли на демонстрацию на площади Небесного спокойствия?»

...Мама, Эва Крюгер. Она работала учительницей в школе Осгордена, и для нее было особенно важно, чтобы девочки хорошо занимались и знали, что происходит в мире. Конечно, Сигрид была лучшей. Лучшей во всем. Миа часто думала о том, что это могло стать одной из причин всего случившегося впоследствии. Все было слишком идеально, и наркотики стали для нее своеобразным бунтом, но Миа до конца не могла осознать, что это может быть правдой. Мама и папа.

Эва и Кюрре. Он торговец красками. Бездетная пара, и удочерение близнецов было подарком свыше. Мама иногда бывала резкой, но все же не чересчур строгой. Слишком часто она бывала учительницей и дома, может быть, но не более того.

Маркус Скуг.

Это его вина.

– Доктор ЛСД, – сказал Мунк.

– Кто?

– Вольфганг Риттер. Главный врач в Блакстаде. Психиатр, решившийся дать психodelики пациентам с тяжелыми заболеваниями.

– Никогда о нем не слышала.

– Всего неделю назад про него показывали длинную документалку. Он же в центре внимания.

– Не видела. Разве таким не занимались еще в семидесятых?

– Да-да, но сейчас уже нет, черт, ты где вообще?

Мунк повернулся на сиденье и бросил на нее взгляд.

– Сорри, – сказала Миа и потрясла головой, отбросив собственные мысли. – Я тут.

– Внешне здоровая и жизнерадостная девушка, «наш маленький лучик света», на сильных антидепрессантах? Тебе это не кажется немного странным?

Мунк почесал бороду и потянулся за новой сигаретой, но передумал.

– Очень, – кивнула Миа. – Мы с ним уже связались?

– Сначала нужно решение судьи.

– Неразглашение информации?

– Анетте занимается этим, просто формальность, это не займет много времени, – кивнул Мунк, и тут его телефон опять зазвонил.

– Да?

Она выстрелила в него.

Дважды в грудь.

Маркус Скуг.

– И вы были у него дома?

Нет, теперь с этим покончено.

– У него есть родственники? Свяжись со школой, может, коллеги что-то знают.

Воспоминания, сложенные в коробки.

– Установите слежку у его дома. И объявите его во всеобщий розыск. Да. Он очень важен для нас. Задействуйте все ресурсы, если это возможно. Держите меня в курсе. Хорошо, спасибо.

Мунк положил трубку и поднял брови.

– Ларвик?

– Да. Они не могут его найти. Дома никого. Соседи не видели его неделю.

– Вот как.

– Удивительная случайность, тебе не кажется? – спросил Мунк.

– Очень. Мы должны вернуться к ней, да?

– Каролине Берг?

– Да.

– Прихожу в ужас от этой мысли, но да, думаю, должны.

Мунк вздохнул и постучал пальцами по рулю.

– Поедешь со мной к судмедэксперту?

– Нет, я хочу поговорить с Халворсеном из криминалистов. Странно, что у них ничего для нас нет.

– Ок, я тебя заброшу по пути, – сказал Мунк и выехал с парковки.

– Спроси ее про раны вокруг рта, – сказала Миа, когда они доехали до здания Крипоса на Брюнсаллеен.

– Какие раны вокруг рта?

– У Вивиан Берг было несколько ран вокруг рта. Не помню, чтобы видела такие раньше.

– Ок.

– Общий бриф после обеда?

– Часов в семь-восемь, – кивнул Мунк.

– Увидимся, – сказала Миа и вышла из машины.

Мунк нажал на кнопку звонка и подождал, пока ему ответят. Нового судмедэксперта звали Лиллиан Лунд. Он почувствовал некоторое любопытство перед встречей с ней.

– Да?

– Это Холгер Мунк.

– О, да, здравствуйте. Входите. Я в кабинете номер один. В самом конце по коридору. Просто идите на звук музыки.

Музыки?

Войдя, Мунк понял, что она имела в виду. Из комнаты дальше по коридору до него доносилась мелодия – жизнерадостное вкрапление в столь мрачную обстановку. Услышав, что играет, он слегка улыбнулся. Бах. Одна из его любимых вещей. И не в каком-то там исполнении. Гленн Гульд. Вариации Гольдберга. У него дома есть такой диск. Он столько раз его слушал, что помнит почти наизусть. Пианист Гленн Гульд. Бесспорно, гений, но еще и маэстро на грани безумия. Мунк не мог не подумать о Мии, идя к кабинету, откуда доносилась музыка.

– Добрый день!

Мунк постучал в дверь, из-за которой шел звук, и собрался зайти, но его остановил молодой человек в пластиковом фартуке, маске и перчатках.

– Кто вы?

– Мунк, – сказал Мунк и показал удостоверение. – Отдел по расследованию убийств, Марибуэсгате. Лиллиан Лунд?

Музыка зазвучала громче. Мягкие, теплые тона резко контрастировали с серой холодной комнатой и трупом, лежащим на столе.

– Добрый день, Мунк, – послышался вдруг голос откуда-то сзади.

Приветствовавшая его женщина сняла перчатку, чтобы поздороваться. На ней была маска, но она приспустила ее.

– Лиллиан Лунд, – с улыбкой представилась она.

Темные волосы. Ясные голубые глаза. Похоже, его ровесница.

– Это не ваша, – сказала она, кивнув на труп на столе. – Она у меня во второй комнате, сейчас закончу здесь и приду.

– Подожду в коридоре.

– Хорошо, – улыбнулась Лиллиан Лунд и повернулась к молодому человеку, остановившему Мунка. – Передашь мне еще раз те анализы, которые я просила?

– Снова?

– Думаю, они загрязнены, слишком высокие значения.

– Да-да, конечно, – сказал молодой блондин, украдкой бросив взгляд на Мунка, и исчез в том направлении, откуда пришел.

Мунк снова вышел в коридор, нашел стул и подумал, не закурить ли. В прежние времена это бы не было проблемой. Эрнст Хьюго Вик, предыдущий судмедэксперт, ответствен-

ный за большинство дел Мунка, был эксцентричным человеком и, что не менее важно, заядлым курильщиком, не обращавшим внимания на принятые нормы. Что-то подсказывало Мунку, что при режиме Лиллиан Лунд действуют другие правила, поэтому курить он не стал.

Прошло несколько минут, и она вновь появилась перед ним.

– Ох, простите, – улыбнулась Лиллиан и опустилась на стул напротив. – Четыре тела за четыре дня. Ваша девушка и трое передозников. Кажется, нынче город просто наводнен наркотиками.

– Вы привозите сюда передозников? – удивился Мунк.

– Конечно, а что?

– Да ничего, просто это что-то новенькое.

– Новый начальник, новые правила, – дружелюбно сказала Лиллиан. – Я хочу осмотреть всех, вам не кажется, что это правильно?

– Да-да, конечно, – кивнул Мунк, почувствовав, что ему уже нравится новый судмедэксперт.

Живая и решительная. И в дополнение Гленн Гульд в динамиках.

– Хотите увидеть ее? Или, я слышала, вы смотрите только фотографии?

– Вы о чем?

– Это неправда? – с любопытством спросила Лунд. – Что вы следователь, которому не нужно видеть трупы?

– Думаю, вы имеете в виду Мию Крюгер.

– А, ладно, извините.

– Не за что извиняться. Что обнаружили на данный момент?

Мунк встал со стула.

– В каком смысле – на данный момент? – спросила Лунд. – Кстати, одежда вон в том шкафу.

Надевать защитный костюм, чтобы увидеть труп? При Вике такого не было. В Институте судмедэкспертизы определенно настали новые времена.

– Я хочу сказать, у вас ведь было не так много времени, – продолжил Мунк.

– О, это все миф – что это занимает много времени. Иногда – да, но в данном случае сомнений не возникло.

Лунд надвинула маску и дала Мунку знак следовать за ней в смотровую. Она сняла белую простыню с тела и приложила палец к точке на грудной клетке. Разрезы после вскрытия были так грубо зашиты, что у Мунка на мгновение возникло ощущение, что тело не настоящее. Ему всегда не нравилось это. Труп на столе патологоанатома – невыносимое зрелище, к которому невозможно привыкнуть. Когда он изредка смотрел сериалы, где хардкорные следователи стояли, склонившись над мертвыми телами, не изменившись в лице, ему больше всего хотелось позвонить им и высказать свои претензии. Несерьезно. И совершенно не реалистично.

– Вот тут след от укола. Вы получили отчет, который я

послала в Крипос? Этиленгликоль?

Мунк кивнул.

– Я не припомню, чтобы когда-то видела что-то подобное. А вы?

Мунк не ответил. Из уважения к белому безжизненно-му изрезанному телу, лежавшему перед ним. Тридцать лет службы следователем, но он так и не смог к этому привыкнуть. К смерти. К закончившейся жизни. Жизни, сокращенной до технического объекта на столе в сером подвале в Ул-леволе.

– Я накрою ее? – спросила Лунд, с участием глядя на Мунка.

– Все нормально, – кашлянул Мунк.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнула Лунд. – Я занимаюсь этим все время, и даже для меня это трудно.

– Так что вы сказали? – сказал Мунк, снова надев маску профессионала.

– Вы такое раньше видели? Антифриз?

– Нет, такого – никогда. У нас было несколько дел с отравлениями, но только пероральными. Обычно все заканчивается хорошо. У пострадавших травмы, но они выживают. Здесь совсем другой случай.

– Знаю, – кивнула Лунд и прикусила губу. – Довольно хладнокровное убийство, вам так не кажется?

– В смысле?

– Ну, это вы у нас следователь. Но да, не кто угодно может

находиться так близко, чтобы всадить иглу точно в сердце человека перед собой...

– Мы только на начальном этапе расследования.

– Понимаю, – сказала Лунд и переместилась к нижней части белого тела. – Влагалище. Никаких признаков насильственного проникновения. Никаких следов спермы. Непохоже, чтобы мотив был сексуальным, по крайней мере, насколько я могу судить сейчас.

Мунк кивнул.

– Ногти, руки, – указала Лунд. – Удивительно мало материала. Никаких остатков чего бы то ни было. Словно кто-то ее обмыл.

– Даже так?

– Да, – сказала Лунд, подняв брови. – Внутри тоже. Тело почти девственно чисто.

– Она же лежала в воде, когда ее нашли?

– Да, это я знаю, но тем не менее что-то должно было остаться. Ни царапины. Ни синяка. Ни ссадины. Она же должна была... как-то сопротивляться? Такая сильная девочка, как она.

– Мы работаем над теорией, что она дошла до места происшествия сама, – тихо сказал Мунк.

– Серьезно?

Лунд удивленно посмотрела на него.

– Я знаю, – кивнул Мунк. – Дальше мы пока не продвинулись.

– Пока нет подозреваемых?

– Мы проверяем нескольких, но пока прямых подозрений нет, увы.

– Вот единственное, что я не совсем поняла, – сказала Лунд, переходя к изголовью.

– Что же?

– Видите ее рот?

– Да.

– Заклеен скотчем, да? Я сначала не посмотрела как следует, но все же здесь что-то... видите?

Она показала на кожу вокруг уголков рта.

– Это не нормально.

– Что именно?

– Эти волдыри. Похожи на ожоги, видите?

– Точно. Миа просила меня спросить о них.

– Хорошее наблюдение. Они не от скотча. На самом деле я не знаю, что это, но я отправила несколько проб на анализы.

– Как думаете, когда будет ответ?

– Это не должно занять много времени, думаю, в течение завтрашнего дня.

– Хорошо.

Их внезапно прервал ассистент-блондин, вошедший в комнату не постучавшись. На этот раз он по какой-то причине избегал взгляда Мунка.

– Извините, что прерываю, но к нам едет новый.

– Передоз? – спросила Лунд.

– Да.

– Твою мать. Извините за выражение, но что творится в этом городе?

Она раздосадованно покачала головой и пошла к двери. Мунк последовал за ней в коридор.

Лиллиан Лунд сняла перчатки и маску и подала ему руку.

– Спасибо вам за помощь, – кивнул Мунк.

– Не за что, я позвоню вам, как только буду знать больше, – сказала темноволосая судмедэксперт и убежала обратно в направлении источника музыки.

Тео Халворсен сидел в лаборатории, склонившись над микроскопом, но быстро встал со стула, когда увидел, что она вошла.

– Лунный Свет, – просиял криминалист средних лет. – Сколько лет, сколько зим. Где ты была?

– Нигде, к сожалению, – улыбнулась Миа.

– Тебя опять отстранили? Да? – спросил Халворсен и снял очки.

– Так говорят?

– Смотря кого спрашивать, – улыбнулся миловидный криминалист и пожал плечами. – Кто-то говорит, что тебя выгнали. Другие – что ты собиралась в плавание.

– Последнее верно, но я так и не уехала. Ты сидишь над балериной, да?

– О, да, – вздохнул он. – Плюс целая куча другой работы, времени вечно не хватает. Как думаешь, я когда-нибудь буду свободен?

Он всплеснул руками и оглянулся вокруг. Длинное помещение лаборатории было завалено бумагами и коробками с пола до потолка. В комнате не было окон, казалось, что это подвал, хотя на самом деле она находилась на четвертом этаже. Миа знала, что Халворсен попросил завесить окна, чтобы его ничто не отвлекало.

Тео Халворсен. Вот уже почти десять лет, как Миа знает этого криминалиста. Сейчас ему уже за пятьдесят, и, несмотря на то, что он был известен постоянными жалобами на объем работы, она не пошла бы ни к кому другому, когда нужно было найти ответ на очередную загадку. Халворсен был своего рода мини-Эйнштейн. Не любил работать в коллективе, хотел делать все сам и всегда выдавал результат лучше и точнее, чем те, кто работал на третьем этаже.

– Не был на даче? – спросила Миа и последовала за ним в глубь комнаты.

– Где мне взять на это время? – сказал Халворсен, снова надевая очки.

Он нашел табуретку и достал с полки маленькую коробку.

– А как дела у Бритт?

– Пока не ушла от меня, к сожалению для нее, – подмигнул Халворсен и отнес коробку к микроскопу.

– Это мне? – сказала Миа, кивнув на коробку.

– Ты о чем?

– Вон та? Зачем ты так далеко запрятал свежие дела?

– Лунный Свет, – вздохнул Халворсен, слегка покачав головой. – Я знаю, что все бегают за тобой, ослепленные твоим викторианским шармом, но не я, у меня все по протоколу.

– Так что это такое?

– Зубы, – сказал он и надел синие пластиковые перчатки. – Не все убийства эстетичны, знаешь ли, дорогая. Совершены с умом и радостью жизни, чтобы Эркюль Пуаро или юная

Крюгер могли чуть пошевелить серым веществом и войти в историю.

Халворсен вздохнул и открыл коробку.

– Молодой наркодилер, был убит ударом лома, за центром Манглерюд. Теперь они хотят знать, есть ли здесь связь с убийством другого гангстера, которого нашли с вытекающей из рта кровью в парке Софиеберг. Роскошно, не правда ли?

Халворсен был известен своим нытьем, но Мии все равно он нравился. Не раз случалось, что поразительно острый взгляд криминалиста выявлял нужные им улики в намертво завязшем деле. Миа понимала, что своими жалобами он просто отгораживался от мира.

– Значит, не едешь на дачу?

– Езжу, иногда, – сказал он и снова прильнул глазом к микроскопу.

Она терпеливо ждала, пока выбитые зубы, которые он рассматривал, вернулись в коробку, и он записал то, что хотел, в своем ноутбуке, стоявшем на лавке за его спиной.

– Итак, что там у нас, – сказал Халворсен, сняв очки.

– Вивиан Берг, – ответила Миа, достав пастилку из кармана куртки.

Халворсен прокатился на своем стуле и вернулся с папкой.

– У нас такая уже есть, – сказала Миа, пролистав ее.

– Да. Но больше у меня ничего нет.

– Эту папку ты отправил в Крипос, да?

Халворсен кивнул.

– Да. И я сказал им то же самое.

– Что – то же самое?

– Что все это ерунда. Как я должен что-то из этого выяснить?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты что, не читала ее?

– Читала... или нет. Что там?

Он вздохнул.

– Там цирк, вот что там.

– Цирк?

– Ты правда ее не читала? Зачем я вообще делаю эту работу, этот вопрос я задаю себе каждое утро.

Халворсен тяжело вздохнул, откатился на стуле и, проехавшись по комнате, вернулся с бумажкой и передал ее Мии.

– Объясни мне это, – сказала Миа, посмотрев бумагу.

– Перебор.

– В каком смысле?

– Кто-то издевается над вами.

– В чем?

Он снова вздохнул и указал на листок, который дал ей.

– ДНК.

– И?

– В одном месте со всей Норвегии? Как я могу делать свою работу, когда в машине и на месте преступления волос и ча-

стиц кожи больше, чем в сливных отверстиях бассейна Фрогнера?

– Это было в «Мерседесе»?

– И в озере, – кивнул криминалист и придвинулся обратно к ноутбуку.

– Только ради тебя, Лунный Свет.

Он поднял компьютер и открыл документ.

– Вот.

Миа взглянула на монитор, но по-прежнему не понимала.

– На что мне смотреть?

– Все грязное, – вздохнул Халворсен, указывая пальцем.

– В смысле?

– Шестьдесят один образец волос. Сорок девять образцов кожи. Восемь образцов экскрементов. И ни одного совпадения ДНК между ними. Получается, что на месте преступления было больше ста человек. И в машине тоже. Как, по-вашему, мне над этим работать?

– Он загрязнил место преступления?

– Это, Шерлок, не вызывает ни малейших сомнений, – воскликнул Халворсен, и его очки на шнурке упали на грудь. – Вопрос, скорее, в том, где, черт возьми, он взял все это? Где собрал волосы и кожу? А экскременты? Кто так делает, Миа? О, кстати, – он резко встал, исчез в глубине лаборатории и вернулся с фотоаппаратом.

– Тут ты можешь наблюдать, что случается, когда у человека слишком много работы.

– Это тот, что нашли на месте преступления?

– Ага. «Никон Е300». Никаких отпечатков, конечно, ни на камере, ни на штативе.

Халворсен хитро улыбнулся и передал ей фотоаппарат.

– Посмотри.

Миа поднесла его к свету и посмотрела в объектив.

– Что-нибудь видишь?

Это заняло некоторое время, как вдруг Миа что-то увидела.

Царапина на объективе.

– Черт, – пробормотала она. – Глазам своим не верю.

Теперь она явно видела ее.

Число.

– Дьявол, – сказала она и еще раз проверила, чтобы убедиться.

– Мне кажется, похоже на цифру четыре, но детектив у нас ты, – сказал Халворсен и пожал плечами.

Миа почувствовала, как заколотилось сердце.

Число?

Она снова поднесла фотоаппарат к глазу.

Да, вот оно.

Без сомнений.

– Я сфотографировал, – сказал он и снова поднялся.

– Это?

– Да, смотри сюда.

Миа быстро изучила фотографию, сомнений не было.

«4».

Вручную нацарапано на объективе.

– Можно я возьму ее с собой?

– Конечно.

– Спасибо тебе, Тео, – сказала Миа и засунула фотографию в карман кожаной куртки. – Серьезно.

– Рад помочь, Лунный Свет.

– Привет от меня Бритт.

– Она же скоро уйдет от меня, если у нее сохранились остатки разума.

– Держи меня в курсе, если найдешь что-то еще.

– Естественно. Звони, если что-то понадобится.

– Обязательно, Тео, увидимся.

– Всегда рад, Лунный Свет, – дружелюбно улыбнулся криминалист и отдал честь.

– Нам нужно за короткое время много обсудить, так что было бы хорошо, если бы мы смогли сделать это максимально эффективно, – сказал Мунк, возвышаясь у экрана.

Габриэль Мерк отодвинул от себя колу и как раз успел опуститься на стул, когда выключился свет.

– Ты на меня смотришь? – спросил Карри.

– Если бы вы могли подождать с вопросами до конца, было бы здорово, – пробурчал Мунк и быстро пролистал свои бумаги, лежащие на столе рядом.

Раздался негромкий смех, но он мгновенно стих, когда первое фото появилось на экране.

– Вивиан Берг, двадцать два года, – сказал Мунк, быстро прокликая первую серию фотографий. – Пропала из своей квартиры на Санкт Хансхауген в четверг после обеда и была найдена в озере Сварттъенн ранним утром субботы.

– И мы знаем это наверняка? – спросил Карри.

– Что именно, Юн? – вздохнул Мунк.

– Что она пропала из квартиры в четверг?

– Анетте? – сказал Мунк, кивая в ее сторону. Она встала.

– У нас есть два свидетеля, соседи по лестничной клетке, они рассказали, что Вивиан Берг вышла из квартиры в четверг после обеда между пятью и четвертью шестого. Видео, которое мы только что получили, показывает, что это может

быть правдой, но...

– Видео? – сказал Карри, который явно был не в курсе.

Они только что получили видео с камеры наблюдения в киоске, которое, предположительно, должно показать, как Вивиан Берг вышла из своей квартиры.

– Что я говорил насчет вопросов в конце? – сказал Мунк.

– Да, но господи... – сказал Карри.

– Для тех, кто еще не в курсе, – сказала Анетте слегка удрученно, – мы получили три видео. «Мерседес» на пути по шоссе E18. «Мерседес» проезжает мимо торгового центра «Сандвика Стурсентер», и вот последнее, показывающее, как Вивиан Берг выходит из дома, вероятно, на пути к машине.

– По словам судмедэкспертов, Вивиан пролежала в воде менее двадцати четырех часов, когда ее нашли, – продолжила Анетте. – Последнее видео из Сандвики показывает, что машина проехала мимо центра без чего-то семь в четверг, таким образом, у нас есть промежуток в 36 часов.

Она бросила взгляд на Мунка, и тот кивнул.

– Извините, – сказала Ильва. – 36 часов до чего?

Юная исландка попала в команду прошлой осенью, и, как всегда, никто не знал, где Мунк нашел ее, но она отлично вписалась. Габриэль был очень рад, что теперь он больше не самый молодой в команде. Для более опытных следователей многое было самоочевидным, и теперь вместо него вопросы задавала Ильва, а он не выглядел в их глазах новичком.

– С последнего раза, когда ее видели, и до обнаружения тела, – сказал Мунк.

– А сколько ехать от Сандвики до озера?

– Максимум два часа, – сказала Анетте.

– Ее держали в машине? – спросила Ильва. – Больше суток?

– Рассмотрим это чуть позже, – сказал Мунк и кивнул Анетте.

– Итак, – продолжила Голи. – Вивиан исчезла в четверг после обеда. Согласно Крипосу, она вышла из дома в спешке. Дома остался телефон, на столе в гостиной – включенный компьютер. На плите – еда. Похоже, она готовила себе ужин и вдруг оделась, вышла в коридор, заперла дверь и спокойным шагом вышла из дома.

– Что? – спросил Карри, все же не сдержавшись. – Она уходит из квартиры в спешке, не взяв с собой ничего, а потом спокойно идет по улице?

– Также стоит обратить внимание на лекарства, обнаруженные в квартире. Как все вы знаете, были найдены антидепрессанты и успокоительные. Многое указывает на то, что дела у Вивиан шли не очень хорошо. Мы общались и с лечащим врачом, и с психиатром и работаем над тем, чтобы получить доступ к ее медкарте.

– Спасибо, Анетте, – сказал Мунк, когда Голи села на стул.

– Реймонд Греггер, – сказал Людвиг Гренли, поднявшись. – Таинственный чудак, я на него нашел крайне мало.

В Буде мне отвечали очень туманно, очевидно, боялись адвокатов. Как бы то ни было, то дело против него, которое было заведено несколько лет назад, когда пропали две маленькие девочки, – не то, за что мы можем взять его или как-то использовать. В любом случае, вот что мы имеем. Ему пятьдесят восемь. Не женат. Детей нет. Работает учителем в старшей школе Хедрум недалеко от Ларвика и в данный момент находится на больничном, из-за... – Гренли надел очки и заглянул в свои бумаги. – Нет, это я тоже не выяснил, но, как бы то ни было, мы им занимаемся. Полиция Ларвика уже ищет, и я объяснил им, что на данный момент это главный приоритет.

– А его телефон? – в первый раз подал голос Габриэль.

– Согласно данным «Теленор», он выключен с четверга, – сказал Гренли и снова сел.

– А нашли что-то в ее телефоне? – с любопытством спросила Ильва.

– Согласно списку, что я получил, нет, – сказал Габриэль. – Вивиан не общалась с дядей. На «Фейсбуке» они тоже не были друзьями. Ничто не указывает на то, что они были как-то связаны.

– Реймонд Грегер, – сказал Мунк. – Наша цель номер один на данный момент. Как уже было сказано, в Ларвике идут поиски, и мы усилим охоту в течение ночи, если не найдем его. Миа?

– Есть кое-что, – сказала Миа и вышла к экрану.

Она кивнула Мунку. На экране появилась новая фотография. Габриэль раньше ее не видел.

– Это было нацарапано на объективе фотоаппарата.

– Что это? – спросила Ильва и надвинула очки повыше на нос.

– Цифра. Цифра четыре, – сказала Миа, кивнув Мунку, который увеличил снимок, и на этот раз они разглядели яснее.

– Сначала я подумала, что преступник использовал камеру, чтобы фотографировать процесс убийства. Что это его фишка. Что он заботится о последующей визуализации. Но теперь я уже не так уверена.

– А мы знаем, что это *он*? – прервал ее Карри.

– Следы вокруг штатива сорок третьего размера, – невозмутимо ответила Миа.

– Если только это не женщина в мужских ботинках.

– Тогда отпечатки были бы глубже по центру и мельче по краям, – сказала Миа и снова кивнула Мунку.

Новое фото.

На этот раз страницы из книги.

– Обратите внимание, что номер страницы оторван. Убийца говорит нам, что это число ничего не означает.

– Что?.. – начала Ильва, но Миа проигнорировала ее, и Мунк снова кликнул.

– «Теперь я расскажу о самом трудном», – Миа кивнула в сторону страницы на экране. – «О чем я не в силах думать. И

о чем не могу не думать».⁶ «Братья Львиное сердце». Здесь младший брат, Карл Лейон, рассказывает о пожаре. Карл боится, ему нужна помощь, и великодушный герой, старший брат по имени Юнатан, жертвует жизнью, чтобы спасти своего младшего брата. Потом все будут жалеть, что погиб не младший брат.

Воцарилась тишина.

– Значит, у нас есть цифра четыре, – продолжила Миа. – Это во-первых. И у нас есть эта страница из книги, это во-вторых. Отсюда нужно и начинать.

– Но... – снова сказала Ильва, но ее опять перебили.

– И еще мы должны взглянуть на это, – сказала Миа. – Я считаю, это очень важно. На видео с камеры наблюдения, которое мы сейчас посмотрим, Вивиан выходит из квартиры, в этот четверг. Обратите особое внимание на ее походку, ладно? Я знаю многих танцовщиков. Они пластичные, двигаются, как кошки, у них под контролем каждая мышца тела.

– И что ты хочешь сказать? – спросил Карри.

– Это не танцовщица, – тихо сказала Миа и кивнула Мунку, который нажал кнопку пульта. – Это не настоящая Вивиан Берг.

⁶ Пер. Беяковой Нины.

Курт Ванг никогда не слышал такого голоса, как у нее. На пластинке – конечно, но вживую – никогда. Билли Холидэй. Радка Тонефф. Может, Эми Уайнхаус. Когда невысокая улыбающаяся девушка с длинными рыжими волосами подходила к микрофону и мягкий голос разлетался по большой гостиной, также служившей комнатой для репетиций, время будто останавливалось. Словно рассеивались облака. Словно холодная зима превращалась в лето. Словно мира снаружи не существовало. Курт даже не понимал, влюблен ли он в саму девушку или только в голос.

В нее. В нее. Конечно же, в нее. Он не мог спать. Не мог дышать. Он с трудом подносил саксофон к губам.

Квартет Нины Уилкинс.

Они встретились на джазовом отделении консерватории в Тронхейме. Лучшая школа в стране для молодых исполнителей его калибра. Взяли с первой попытки. Сколько саксофонистов было на пробах? Много, очень много. И кто поступил сразу же? Прошел все три пробы, легко и просто, да так, что ему аплодировали стоя? Он. Курт Ванг. Долговязый застенчивый парень из столичного района Манглерюд, где мальчики считались мальчишками, только если играли в хоккей. Его должно просто распирать от гордости. Ему дела не должно было быть до этой джазовой певицы, наполовину шведки.

Таких было много в Тронхейме – очаровательных, очень талантливых девушек. Но нет. В первый раз, когда он услышал пение Нины Уилкинс, его колени превратились в желе, и с тех пор он чувствовал себя маленькой собачкой. Нет, госпо-ди, не собачкой, он был сам себе хозяин, просто несколько слабовольный.

И неспособный мыслить ясно.

Она предложила переехать в Осло, всей группой, и он кивал и говорил – да-да, конечно.

Хотя ему очень нравилось в Тронхейме. Квартира в Мелленберге, бары, клубы, кафе «Девять муз», букинистические магазины, неформалы... Потрясающий город. С чертовски вдохновляющей джазовой атмосферой.

Она предложила заменить Мюлле на другого ударника, португальца, о котором он даже не слышал. Да-да, конечно, Нина, если ты так хочешь.

Хотя они с Мюлле всегда играли вместе, они были как близнецы, импровизировали на пару, словно две головы на одном теле.

Она предложила, чтобы они играли больше на саксофоне сопрано, немного отложить тенор, подняться на октаву выше, светлее, резче, более неистово, как делал Джон Колтрейн в конце эпохи Майлза Дэвиса. Непременно. Конечно, Нина. Конечно, он будет играть на сопрано, он же всегда так и хотел, разве нет?

Нет, это его мать так хотела. Ян Гарбарек на виниле в

гостиной в Манглерюде, сам он всегда больше любил полную тенора.

Да, черт побери, ему нужно взять себя в руки. Больше так дело не пойдет. Квартет Нины Уилкинс. Нина. Нина. Нина. Голос, заполнявший его голову, где бы он ни был.

Во всяком случае, после того как португалец прибыл в Осло. Новый ударник. Достаточно хорош, безусловно, дело не в этом. Техничен. Мягко. Музыка во всем теле, но лучше ли Мюлле? Нет, он так не считал. Черт, каким же он был дураком. Он должен был предвидеть это за много миль. Нина с португальцем. Крепкие объятия на диване. Горячие поцелуи во время репетиций. Рука об руку они шли по улице в «Бло».

Ему следовало покончить с этим. Сказать, что с него хватит. Конечно же, следовало. Если он считает себя мужчиной. Но, черт, как он мог?!

Тот голос.

Боже, какой голос.

Как мед и наждачная бумага.

Как ответ на загадку.

Каждый раз, когда она начинала петь.

Поэтому он просто остался.

Идиот.

Квартет Нины Уилкинс.

К счастью, все разрешилось. Джаз-фестиваль в Восса в прошлом году. Они играли на одной из самых маленьких сцен, но получили лучшие отзывы. Хиппи пришли в

неистовство. Потом фестиваль в Конгсберге. Там то же самое. Аншлаг, люди дрались за билеты. По плану они должны были сыграть только два отделения, но публика не отпускала их со сцены. Полный экстаз. Он плевал кровью, не чувствовал губ много дней, но оно того стоило. Естественно. А потом они должны были играть в Молде. Вишенка на торте. И не в одном из каких-то маленьких местечек, нет-нет, в самом соборе Молде. Если бы его мать была жива, она бы страшно гордилась им.

– Сегодня ничего не получается, – пробормотала Нина и отошла от микрофона.

Жестом показав, что с нее хватит, она украдкой бросила взгляд на ударника и получила в ответ понимающий кивок.

Снова.

Это стало происходить все чаще и чаще, и ему это не нравилось.

Билли Холидей делала это.

Чарли Паркер.

Колтрейн.

Майлз.

Что это за чертов аргумент?

«Да мы же не колем его, Курт, чего ты бесишься?»

Да какая разница, слабая доза или нет, укол или трубка?

Да, он был влюблен.

Да, у нее был голос, как у ангела.

Но героин?

Ни за что, черт возьми.

Он даже не мог находиться в комнате с ними. Всегда выходил на улицу, когда они дули. А когда возвращался, они уже витали где-то взглядом и бессмысленно улыбались. И ведь они даже не играли лучше, хотя так считали. Они просто *чувствовали* себя лучше, только и всего, черт, да героин не имеет ничего общего с музыкой. Ему намного больше нравился ее голос, когда она была чиста. А португалец? Нет, он даже не в силах был вступать вовремя. Всегда опаздывал на полтакта. Или на четверть спешил.

Нет, он больше не мог.

После Молде.

Дальше он не пойдет.

У него другие проекты.

Много проектов.

Он же как-никак Курт Ванг.

Нина с португальцем пробрались на кухню, опять рука об руку, и она, хихикая, прижималась губами к его щеке. Курт посмотрел на себя в зеркало в коридоре, покачал головой и завязал на шее шарф. Чертова подготовка. На улице вечер, прохладно, но он не выдерживал этого запаха. Жженный героин на фольге. Нет, твою мать, его в первый раз чуть не вырвало, когда португалец поднес зажигалку к коричневому комочку в фольге.

Твою мать.

Курт прикурил сигарету и ощутил, что на этот раз он дей-

ствительно решился. Он больше не хочет это терпеть. Ни за что. Ну его, этот голос. И влюбленность тоже. Это пройдет, разве нет? Ведь уже пять лет. Должно же скоро пройти? Закончить эту репетицию, и он позвонит Мюлле. И они возродят трио. Если он возьмет трубку, конечно. Четыре месяца ни слова. И его можно понять, естественно.

Нина. Нина. Нина.

Мюлле выскочил из комнаты с пеной у рта.

Черт, как холодно. И темно. Разве весна не должна уже наступить? Курт Ванг натянул рукава свитера на пальцы и бросил сигарету на асфальт, как вдруг перед ним возник человек.

– Извините, вы... Курт Ванг?

Перед ним стоял молодой мужчина его возраста, с лицом, спрятанным под большим капюшоном парки.

– Да? – отозвался Курт и достал пачку сигарет из куртки, чтобы зажечь еще одну.

Откуда этот парень знает его имя?

Фанат?

Он улыбнулся, почувствовал, что это немного греет, хоть он давно уже решил, что ему дела нет до таких вещей.

Музыка прежде всего.

– Где ваш саксофон? – спросил мужчина и с любопытством выглянул из-под капюшона.

– Что вы имеете в виду? – улыбнулся Курт.

Очевидно, фанат. Курту, конечно же, не следовало обра-

щать на такое внимание, но он заметил, как ему стало приятно. Его узнают на улице. Значит, все-таки кое-что он делал правильно. Нет, черт побери, он решился, он это чувствовал.

С него хватит.

– Он наверху, в репетиционной комнате, – сказал Курт, все еще улыбаясь. – Я не знаю, вы что, хотите автограф? Извините, но я сейчас немного занят, так что если...

– Все нормально. У меня есть то, что нам нужно, – сказали глаза из-под капюшона.

– В смысле?..

Дальше он не договорил.

Курт вдруг почувствовал что-то мокрое на лице.

– Не воспринимайте это на свой счет, – донесся издалека голос, который всего несколько секунд назад был рядом.

Но что за чертовщина?..

Курт ясно увидел свою сигарету, но она была уже не в его руке.

У нее появились крылья, и она летела на четвертый этаж. Все еще дымясь, она постучалась в окно и попала в кухню, где смешалась с фольгой и стала трубочкой из оригами, похожей на колибри, сидящую на дереве, полном меда и наждачной бумаги, а затем она запела во весь голос.

Губами, говорящими по-португальски.

Мунк проснулся от телефонного звонка и не сразу понял, где находится. На мгновение ему показалось, что он снова в своем бывшем доме в Реа, но быстро понял, что это был сон. Он уснул в одежде дома на диване. Засиделся в офисе, и у него просто не осталось сил добраться до кровати. Часы на кухонной стене показывали пятнадцать минут восьмого. Значит, сколько часов он проспал? Три? Телефон замолчал и тут же зазвонил снова. На дисплее – Анетте Голи. Мунк сел, все еще в полусне, и нажал на зеленую кнопку.

– Проснулся?

– С трудом, – покашлял Мунк.

Он потянулся за пачкой сигарет на столе, но вспомнил, что пообещал самому себе.

Постараться не курить до завтрака.

Идею бросить курить он давно похоронил, но можно хотя бы немного ограничить себя.

– Я говорила с Вольфгангом Риттером. Он может принять вас сегодня, чем раньше, тем лучше.

Голос Анетте звучал так, словно она давно на ногах.

– Ок, – кивнул Мунк, протирая заспанные глаза.

– Я звонила Мии, она готова. Кстати, Миккельсон дал ответ.

– И что же?

– Нам дадут столько людей, сколько нужно. Удивительно, но он горячо откликнулся и готов нам дать все что угодно.

– Супер, – сказал Мунк, начав немного просыпаться. – Дай Карри людей, сколько ему нужно, чтобы прочесать ее дом. Пусть стучат во все двери. Я знаю, что от Крипоса ходили туда, но хочу, чтобы мы сами опросили всех еще раз, ладно?

– Будет сделано. И да, Лиллиан Лунд хочет поговорить с тобой, позвони ей.

– Хорошо. Ты в офисе?

– Да. Не была дома сегодня.

– Буду на месте позже, – сказал Мунк и положил трубку.

Полноватый следователь поднял руки вверх и потянулся. Диван оказался слишком жестким. У Мунка задеревенело все тело. Да он и не очень-то натренирован для такого. Надо было все же добраться до кровати, а это типичная ошибка новичка. Новое дело, работаешь сутками, забываешь поспать, забываешь поесть, и ему стоило бы не забывать, что такие дела редко бывают спринтом, в основном, это марафон.

Он сходил в душ и едва успел надеть чистую одежду, как телефон снова зазвонил. Мунк удивился, увидев, кто звонит. Мириам?

Он как отец автоматически заволновался. Тот жалкий темный страх где-то внутри, который будто бы не хотел исчезнуть насовсем.

Так рано?

Что-то случилось?

– Привет, Мириам, – улыбнулся Мунк. – Уже встала? Как дела?

Он терпеливо ждал ответа. Знал, что ей нужно время, чтобы подобрать нужные слова, чтобы правильно все произнести.

– В... все нормально, папа. А... а у тебя?

– У меня отлично, – сказал Мунк, все же потянувшись за сигаретой: ему нужно было за что-то ухватиться.

Он так ею гордился, и было больно слышать ее такой. Она так мужественно боролась с последствиями травм. Как же это на нее похоже, упрямая девочка, и, конечно, не подавала вида, как тяжело ей это дается. И, кроме того, было так приятно слышать, как она снова обращается к нему «папа». После стольких лет размолвки, в течение которых она почти не разговаривала с ним. Когда их взглядам изредка доводилось встретиться, ее глаза излучали ненависть. Все было настолько ужасно, что она уже практически решила запретить ему видаться с внучкой. Но теперь это время позади. Слава богу и хвала. Для него не могло быть большего счастья. Но слышать, как ей приходится бороться? Ему пришлось взять себя в руки.

– Получилось вчера позаниматься?

– П...приходил... физиотерапевт. Х...хороший прогресс, кажется. Н...немного тяжелые руки, но... н...ноги стали намного с...сильнее.

– Отлично. Прекрасно, Мириам. Очень рад это слышать. Марион у вас?

– С...спит, – заикаясь, ответила дочь.

Мунк слышал, какие она прилагает усилия, чтобы говорить. Вообще ему бы хотелось, чтобы дочь положила трубку и отдохнула, но было очевидно, что у нее что-то на сердце, поэтому он дал ей продолжить.

– Он...на сказала, что ты купишь ей л...лошадь.

– Да, я обещал, просто лошадка для ее куклы, – быстро сказал Мунк.

– Не...не нужно ее так б...баловать, ладно? Я п...пытаюсь воспитать ее так, чтобы она не была такой... такой...

– Извини, – прервал ее Мунк, чтобы она не тратила сил впустую.

– Д...да, это важно...

– Конечно, Мириам. Я буду держать себя в руках, обещаю. Просто, ну, ты знаешь, я просто не могу сказать ей нет.

Мириам тихо рассмеялась. Это согрело Мунка. Он улыбнулся и закурил.

– Л...ладно, – продолжила дочь. – Н...но я не за этим звоню.

– А зачем?

На телефоне высветился новый вызов. Людвиг Гренли. К счастью, Мунк научился отклонять вызовы так, чтобы не отключиться от текущего разговора. Холгер Мунк был старой школы и завел себе смартфон только тогда, когда его заставили.

– Я... я решила выйти замуж, – произнесла Мириам спокойно. – Летом.

– Что-что?

– Я выхожу замуж, – сказала Мириам, на этот раз четче.

– Вот как? Это?..

Раньше Мириам была помолвлена с врачом из Сандефьорда, отцом Марион, внучки. Со стороны казалось, что у них хорошие отношения, но большего Мунк сказать не мог, они с тем парнем не особенно общались. Теперь эти двое разошлись, и Марион жила неделю здесь, неделю там. Поначалу Мунк заартачился, он не хотел, чтобы у малышки было два дома, но внучка ничего не имела против: «О, дедушка, у всех же два дома, ты разве не знал?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.